

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-18-59

А.Б. Устинов

Издательство «Аквилон»,
94122 г. Сан-Франциско, США

Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов

В настоящей работе предлагается детальная реконструкция истории петроградского Союза поэтов, в учреждении которого активно участвовали Александр Блок и Николай Гумилев. Особое внимание уделяется их литературной и организационной деятельности в рамках Союза поэтов, а также их взаимоотношениям, впоследствии получившим мифологическое обрамление благодаря ненадежным мемуарам и доверчивости биографов обоих поэтов. Материалом для статьи послужили архивные документы, журнальные статьи и газетная хроника 1920–1921 гг., а также доступные теперь в автографах «Записные книжки» А. Блока, ранее известные лишь в купированном подцензурном издании Вл. Орлова.

Ключевые слова: Петроградский Союз поэтов, А. Блок, Н. Гумилев, история русской поэзии, В. Ходасевич, литературные институции, литературный быт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Устинов А.Б. Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов // Рема. Rhema. 2020. № 2. С. 18–59. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-18-59

A. Ustinov

“Aquilon Books”,
San Francisco, CA, 94122, USA

Alexander Blok and Nikolai Gumilev in the Petrograd Union of Poets

In this article, the author proposes a detailed reconstruction of the history of the Petrograd Union of Poets, which was established with an avid participation of both Alexander Blok and Nikolai Gumilev. The author focuses his attention on their literary and organizational activities within the framework of the Union of Poets, as well as on their professional relations that have now become a subject of several myths created by unreliable memoirs and supported by the poets' credulous biographers. The article is based on archival materials, magazine reviews and newspaper chronicles from 1920–21. The author also uses Blok's Notebooks, heavily censored in the Soviet times but now made available in autographs.

Key words: Petrograd Union of Poets, Alexander Blok, Nikolai Gumilev, Vladislav Khodasevich, history of Russian poetry, literary institutions, literary environment

FOR CITATION: Ustinov A. Alexander Blok and Nikolai Gumilev in the Petrograd Union of Poets. *Rhema*. 2020. No. 2. Pp. 18–59. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-18-59

Для Блока его поэзия была первейшим, реальным духовным подвигом, неотделимым от жизни. Для Гумилева она была формой литературной деятельности. Блок был поэтом всегда, в каждую минуту своей жизни. Гумилев – лишь тогда, когда он писал стихи. Всё это (и многое другое) завершилось тем, что они терпеть не могли друг друга – и этого не скрывали. Однако в памяти моей они часто являются вместе.

Владислав Ходасевич

Участие Александра Блока в Петроградском отделении Всероссийского Союза поэтов хорошо известно и представлено в многочисленных биографических статьях. При этом основным источником для реконструкции истории этой литературной организации, даже несмотря на действенную инъекцию архивных материалов в публикации «Блок

и Союз поэтов» [Рождественская, Тименчик, 1987], почему-то продолжают оставаться мемуары: шестидесятилетние воспоминания Надежды Павлович (1895–1980) [Павлович, 1964; Павлович, 1977]¹ и рассказ Всеволода Рождественского [Рождественский, 1966]. По понятным причинам на первый план в них выходят эмоции, а «фактический субстрат» [Тименчик, 1994] искажается согласно личным предпочтениям мемуаристов. В особенности это касается взаимоотношений Блока, первого председателя Союза поэтов, с Николаем Гумилевым.

Именно воспоминания Павлович стали источником легенды о якобы бескомпромиссном и едва ли не «открытом» противостоянии двух ведущих поэтов пореволюционного Петрограда, еще более резко подчеркнутым ей в стихотворной форме², и спровоцировали войну мемуаров. Рассказ Павлович о Союзе поэтов несколько лет спустя попыталась переписать в пользу Гумилева ее ровесница Ирина Одоевцева (1895–1990)³, но из-за умышленной беллетризованности ее воспоминаний [Одоевцева, 1967], изложенные там факты оказались заслонены тем же эмоциональным туманом. Такова, например, ее безапелляционная характеристика Союза поэтов, выстроенная на фоне отношений Блока и Павлович:

Союз поэтов, как и предполагалось по заданию, был «левым». И это, конечно, не могло нравиться большинству петербургских поэтов. К тому же стало ясно, что Блок хотя и согласился «возглавить» Союз поэтов, всю свою власть передаст «Надежде Павлович с присными», настроенными более чем пробольшевистски. Блок в то время уже начал отходить не только от общественной жизни, но и просто от жизни.

¹ Новая попытка «переопределить» отношение Павлович к Блоку предпринята в [Гончарова, 2011].

² *Но Блок молчал внимательно и хмуро,
Но Блок молчал, не предлагая сесть.
И усмехнулся: «Николай Степаныч!
Ошиблись вы. На месте вы своем.
Мы разных вер, мы люди разных станов,
И никуда мы вместе не пойдём»*

[Павлович, 1962, с. 22].

³ См. мемуарный рассказ Георгия Адамовича об отношениях «учителя» и «ученицы»: «Гумилев наделен был даром особой убедительности, правда, – не столько логической, сколько внутренней, духовной, трудно поддающейся определению. <...> Недостаточно было бы сказать, что к Одоевцевой Гумилев благоволил. <...> В литературных разговорах он любил со своим привычно горделивым видом, слегка прищурившись и растягивая слова, упомянуть о “моей молодой ученице Ирине Одоевцевой”, но это входило в игру: надо же было дать понять профанам и непосвященным, что учиться у него, Гумилева – большое счастье, исключительная удача. Надо было намекнуть, что если Одоевцева уже пишет стихи, обращающие на себя внимание, то потому, что ею именно он руководит» [Адамович, 1960, с. 148].

Он, хотя и не подчеркивая этого, давно тяготился честью, выпавшей на его долю и только из чувства долга – чрезвычайно сильно в нем развитого – заставлял себя – через силу – играть взятую на себя роль. Выгод от такого правления петербургским поэтам ждать не приходилось [Одоевцева, 1963, с. 136].

С изменением общественной ситуации стало возможным комментировать воспоминания Павлович мемуарными рассказами Одоевцевой. По этому пути пошли составители книги «Жизнь Николая Гумилева» (1991), что, наверное, уместно в собрании «воспоминаний современников» о поэте, составленном его поклонниками [Зобнин и др., 1991, с. 277–279]. Представляется, однако, странным, что задачей проверки документальных свидетельств и сопоставления соответствующих фактов не озаботили себя редакторы «Трудов и дней Н.С. Гумилева», составленных Павлом Лукницким, поддавшись той же мемуарной «зависимости» и положившись на уже известные публикации. При этом невероятным образом без внимания были оставлены «материалы», как называл свой свод Лукницкий, которые появились в печати в течение той декады, пока «Труды и дни» [Лукницкий, 2010] готовились увидеть свет, и в которых должным образом были скорректированы эмоциональные всплески воспоминаний о Гумилеве в петроградский период его жизни после возвращения из Европы в конце апреля 1918 г.⁴

Что касается собственно истории Союза поэтов, то ошибки, появившиеся еще в хронологических обзорах петроградской литературной жизни в первом выпуске журнала «Дом Искусств» (1921. № 1. С. 68–74)⁵ и позже развитые Вл. Орловым в комментариях к избранному корпусу «Записных книжек» Блока [Блок, 1965]⁶, были приняты на веру и не подвергались повторной верификации. Почти не востребованной осталась и двухтомная летопись «Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография» [Галушкин, 2005], где в нарастающей прогрессии перечислены факты деятельности Союза поэтов – от начальных собраний «инициативной группы» до организации «Клуба поэтов», приблизившего, по наблюдению Владислава Ходасевича, конец этой литературной антрепризы⁷.

⁴ О предшествующем пребывании Гумилева в Париже и Лондоне см.: [Степанов, Устинов, 2011–2012].

⁵ В газетных и журнальных статьях тех лет Союз поэтов и Дом Искусств sporadически ставились в кавычки. В последующих цитатах, за исключением статейных заголовков, названия этих творческих организаций даются без кавычек.

⁶ О проблематичности издания Орлова см.: [Магомедова, 2009, с. 518–541].

⁷ Ходасевич называет это заведение ««Дом поэтов» (филиал Союза)» [Ходасевич, 1997, с. 92].

Корректная реконструкция истории петроградского Союза поэтов, тем не менее, вполне возможна без привлечения мемуарных фантомов, а также досужих размышлений относительно поведенческих стратегий Блока и Гумилева уже на основании газетной и журнальной хроники 1920 и 1921 гг. Более того, необходимым подспорьем служат сделанные теперь доступными (хотя, как водится, не полностью) факсимиле записных книжек и дневников Блока⁸, издание которых в новом собрании сочинений, судя по темпам выхода прочих томов, займет не одну дюжину лет [Линдеберг, 2011].

Попутно можно усомниться в целой серии утверждений Орлова, высказанных им в примечаниях. Так, запись Блока 14 сентября 1920 г.: «Замятину – статьи о Лире и о Союзе поэтов для ж<урнала> Д<ома> Иск<уств>», – сопровождается ремаркой без пояснений: «Статья о Союзе поэтов не была написана» [Блок, 1965, с. 600]. Тем не менее, обзорная статья «Союз Поэтов», правда, анонимно, была напечатана в журнале «Дом Искусств», как и очерк Блока «“Король Лир” Шекспира» – совершенно в соответствии с его намерениями. Поэтому «Союз Поэтов», хотя бы и в разделе «Dubia», но должен быть включен в корпус нехудожественной прозы Блока. Именно в этой обзорной статье было впервые рассказано, как начинался петроградский Союз поэтов:

Мысль о Союзе поэтов, о своевременности и необходимости профессионального объединения возникла уже давно, но петербургские поэты решили осуществить это объединение, конечно, не по шумному примеру московской «эстрады», а на особых петербургских началах: учредители хотели, помимо защиты профессиональных интересов, найти в стенах союза возможность говорить о стихах и читать стихи, чувствуя себя при этом свободными от требований литературной улицы.

В конце июня с. г. (1920 г. – А.У.) в помещении Вольной Философской Ассоциации впервые собралась организационная группа в составе: А.А. Блока (председатель), Андр. Белого, Н.С. Гумилева, М.Л. Лозинского, Н.А. Оцуца, Н.А. Павлович, Вс.А. Рождественского

⁸ Все цитаты из записных книжек Блока приводятся далее по автографам, обозначенным как ЗК-61 («Записная книжка № 61. 1920 г.») и Дневник-20 («Дневник. Лето 1920 – 1921 г. февраль») с указанием листа. Исправления неверных прочтений Орлова специально не оговариваются, также не отмечаются восстановленные лакуны, допущенные им из-за неудач с расшифровкой почерка Блока либо сделанные намеренно по идеологическим соображениям.

(секретарь) и К.А. Эрберга⁹ (<Блок А.?.>. Союз Поэтов // Дом Искусств (Петроград). 1921. № 1. С. 74)¹⁰.

Блок отметил в своей записной книжке, что Павлович появилась у него в субботу, 19 июня 1920 г.¹¹ как эмиссар Валерия Брюсова, возглавлявшего тогда Всероссийский Союз поэтов¹². Спустя неделю она сообщила в Москву об открытии Петроградского отделения ВСП как о *fait accompli*. «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, – писала Павлович 25 июня, – в Петрограде налаживается отделение нашего Союза поэтов. В инициативную группу вошли Блок, Гумилев, Белый (с желанием работать). Завтра я буду говорить с Кузминым, Эрбергом и с несколькими молодыми поэтами, к которым направили меня Гумилев и Блок. Особенно последний очень помогает мне» [Блок в переписке, 1982, с. 503]. В обсуждении планов открытия петроградского Союза поэтов Гумилев участвовал наравне с Блоком, который пометил в записной книжке 22 июня: «Гумил<еву> о Н.А. Павл<ович> (проф<ессиональный> союз) и Третьяк<ове> (перев<оды>, статья)» [ЗК-61, л. 14] (ср.: [Блок, 1965, с. 495]).

Первое совещание по учреждению Союза состоялось в тот же день, как это запомнил Андрей Белый: «22-го ... Организ<ационное> собрание Ленингр<адского> <sic!> Союза поэтов» [Белый, 2016, с. 458]. До своего отъезда в Москву 9 июля Белый успел застать и два других собрания

⁹ Ср.: «Организовано Петербургское Отделение Всероссийского Союза Поэтов. Состав президиума: председатель – Ал.Ал. Блок; товарищи председателя – К.А. Эрберг и Н.А. Оцуп; секретари – Н.А. Павлович и Вс.А. Рождественский; казначей – С.Е. Нельден-Ауслендер. Желющие вступить в Союз должны представить на рассмотрение приемной комиссии (А.А. Блок, Н.С. Гумилев, М.А. Кузмин, М.Л. Лозинский) книгу или 10 стихотворений в рукописи. За всеми справками и разъяснениями обращаться к секретарю Вс.А. Рождественскому – Симеоновская ул., 3, кв. 4 – письменно; по пятницам от 4–5 – лично. Тел. 145–73» (Жизнь Искусства (Петроград). 1920. № 517. 30 июля. С. 1; далее газета везде обозначается как ЖИ).

¹⁰ Ссылки на анонимные статьи, сообщения и афиши приведены в круглых скобках в виде выходных данных, без вынесения этих материалов в библиографический список в конце статьи.

¹¹ «Стрельна. Сон на солнце. Веч<ером> – Над. Ал. Павлович, Е.Ф. Книп<ович>, Викт<ор> Третьяков» [ЗК-61, л. 13 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 495]). Поэт Виктор Третьяков вспоминал в очерке памяти Блока, напечатанном рижской газетой «Сегодня» 1 сентября 1921 г.: «В столовой за чаем сидели, кроме поэта и его семьи, еще приехавшая из Москвы барышня, занимавшая у большевиков какой-то видный пост, кажется, по комиссариату просвещения. Барышня рассказывала московские литературные новости. Блок, как всегда, внимательно слушал, изредка вставляя какое-нибудь слово» [Блок в переписке, 1982, с. 504]. В июле 1920 г. Блок подарил ей свою фотографию с инскриптом «Надежде Александровне Павлович на память о начале нашего знакомства» [Дарственные надписи Блока, 1982, с. 111].

¹² Брюсов пребывал в должности председателя Всероссийского Союза поэтов с мая 1920 г. до середины февраля 1921 г. [Брюсов, 1976, с. 232].

«инициативной группы», имевших место 27 июня и 4 июля. «По поручению Ал<ександра> Ал<ександровича> Блока, – писал Михаилу Кузмину 24 июня Всеволод Рождественский, – передаю Вам приглашение на организационное собрание Петербургского отделения “Всероссийского союза поэтов” в воскресенье, 4 июля в 8 ч<асов> веч<ера> в помещении “Вольной философской Ассоциации” (Чернышева пл<ощадь>, под<езд> № 1). Вас очень нужно» [Блок в переписке, 1982, с. 504] (см.: [Галушкин, 2005, т. 1, ч. 1, с. 583, 589–590]).

«Для проверки литературного ценза вновь вступающих членов, – сообщалось в журнальном обзоре, – решено было учредить особую коллегия в составе А.<А.> Блока, Н.С. Гумилева, М.А. Кузмина и М.Л. Лозинского» («Блок А.?. Союз Поэтов // Дом Искусств (Петроград). 1921. № 1. С. 74). Работа «коллегии», состоявшей из трех видных поэтов и одного выдающегося переводчика, которая на протяжении месяца с небольшим разбирала заявки, вынося суждения либо о приеме, либо об отставке кандидатов, подробно освещена в названной публикации «Блок и Союз поэтов» [Рождественская, Тименчик, 1987]. Уместно привести, в качества примера, суждения об упомянутом в приведенных выше записях Блока «поэте, филологе и писателе по вопросам искусства»¹³ Викторе Третьякове (1888–1961), который, прежде чем отправиться поздней осенью 1920 г. в Ригу, застал расцвет деятельности петроградского Союза поэтов:

Стихи В. Третьякова не хуже многих присылаемых, хотя несколько вялы и подражательны. По-моему, можно бы принять его в Союз. Этот вопрос надо решить скорее, потому что ему грозит воинская повинность, и, если мы его примем, могли бы что-нибудь сделать для него.

Ал. Блок

От Третьякова, автора, по-видимому, молодого, можно ждать интересных стихов. Я высказываюсь за его принятие в Союз, хотя бы на правах члена-соревнователя.

М. Лозинский

Членом-соревнователем принять можно.

Н. Гумилев

[цит. по: Рождественская, Тименчик, 1987, с. 687]

¹³ См. далее: «В своем творчестве, между прочим, весьма тепло и благосклонно встреченном покойным Гумилевым, М. Кузминым, <С. Нельдихеном->Ауслендером и др. петроградскими поэтами, он близок к направлению Гумилева и Кузмина» (Сегодня (Рига). 1921. № 261. 15 ноября. С. 5).

Как заметил Р. Тименчик, четвертый «отсутствующий в автографе отзыв Кузмина» [Рождественская, Тименчик, 1987, с. 692], был приведен в рецензии Александра Перфильева на книгу Третьякова «Берег дальний. Стихи» (Tallinn, 1940):

Настоящее признание в литературных кругах он получил в первые годы революции. А. Блок, Н. Гумилев, М. Кузмин очень сочувственно отзывались о стихах молодого поэта и принимали в нем большое участие. Одобренные ими стихи вошли впоследствии в сборник «Солнцерай» (<Берлин,> Петрополис, 1930). М. Кузмин восхищался стихотворением «Вечер», посвященным ему и вошедшим в тот же сборник. О В. Третьякове М. Кузмин в свое время писал:

«В лице В. Третьякова мы имеем настоящего поэта, понимающего серьезные задачи поэзии. Нахожу в его стихах черты своеобразия».

Это очень ценное понимание молодого автора.

Н. Гумилев пригласил В. Третьякова в свою группу, где слушателями в то время были Вс. Рождественский, Георгий Иванов, Н. Оцуп и др. молодые поэты. Он же поручил Третьякову переводить английского поэта Вордсворта для издательства «Всемирная Литература» [Перфильев, 1940, с. 20].

Первое представление петроградского Союза поэтов было организовано Ларисой Рейснер (Раскольниковой) 4 августа 1920 г. в доме Лассаля. Эту посредственно-жеманную поэтессу, необыкновенно взлетевшую в пореволюционные годы, не без ехидства вспоминал Георгий Иванов: «Была барышня Лариса Рейснер, писавшая стихи о маркизах. За барышней ухаживали, над стихами смеялись. И вот теперь эта барышня – “комарси” <...> Женщина всегда женщина – Лариса Рейснер, говоря, что она “комарси”, немного прихвастнула: “комарси” был, собственно, ее муж, мичман Раскольников. Сама же Рейснер носила всего лишь звание “заместительницы комиссара по морским делам” – “замком по морде”»¹⁴.

К участию в этом официальном представлении Союза поэтов был ангажирован Блок, чье имя должно было наполнить зал бывшего

¹⁴ «А “комарси” значило – командующий морскими силами», – пояснял автор [Иванов, 1928, с. 161–162].

Тенишевского училища. Поэтесса Анна Радлова¹⁵ писала об этой уникальной способности Блока в отчете о его выступлении, состоявшемся незадолго до того, 29 июля, под эгидой петроградской Вольной философской ассоциации (Вольфила)¹⁶:

Когда вчера вечером в переполненном белом зале на Чернышевой площади, 2 (в здании Государственного архивного фонда. – *A.V.*) я слушала Блока, я вспоминала строки другого великого поэта, Баратынского:

*И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира,
Твое согласие захотел.*

Не олимпийски прекрасная ясность Пушкина, а мучительная, объемлющая огромный очерк мира мысль Баратынского таинственно и пышно расцвела через сто лет в Блоке, ибо Баратынский был одним из тех мучеников искусства, которым дано *всё видеть* и *всё знать*, а Блоку дано не только знание тайного, но и власть претворять тайное в явное.

И этим поэзия Блока всегда откровение для тех, кто имеет уши, чтобы слышать.

¹⁵ Месяцем раньше Блок записал в альбом Радловой стихотворение:

*Хотел я, воротясь домой,
Писать в альбом в стихах,
Но – ах!
Альбом замкнулся сам собой,
А ключ у Вас в руках,
И не согласен сам замок,
Чтобы вписал хоть восемь строк
Писать стихи забывший*

Блок.

Июнь 1920

[Блок, 1999, с. 92],

– отметив его 29 июня в записной книжке: «В Альбом Радловой» [ЗК-61, л. 14 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 495]). 29 декабря 1919 г. по поводу Радловых к Блоку обратился Алексей Ремизов: «Прошу за Радловых Анну и Сергея (Анна Дмитриевна и Сергей Эрнестович Радловы В<асильевский> О<стров> I л<иния> 40 кв. 4) произвести их в члены Дома Искусств и выдать членские билеты» [Блок, Ремизов, 1981, с. 125].

¹⁶ Программа вечера была оглашена в афише: «В помещении Вольфила (Чернышева пл<ощадь>, д. 2, подъезд 1) в четверг 29-го июля 1920 г. состоится вечер Александра Блока по следующей программе: Р.В. Иванов-Разумник скажет вступительное слово. Александр Блок прочтет 1) поэму “Возмездие”, 2) Стихи. Начало в 7½ часов вечера» [Блок в переписке, 1982, с. 506]. Блок отметил это чтение в записной книжке: «Мой вечер в Вольфиле (Вступ<ительное> сл<ово> Ив<анова>-Раз<умника>). Были мама и Люба. Хорошо» [ЗК-61, л. 17] (ср.: [Блок, 1965, с. 497]).

На вечере, устроенном <издательством> «Алконост», Блок читал фрагменты поэмы «Возмездие», первая песня которой была напечатана в «Русской Мысли». Написана поэма четырехстопными ямбами и содержание ее – история трех поколений одной русской семьи, начиная с семидесятых годов.

Со времени «Евгения Онегина» в русской поэзии не было такого мастерского изображения *эпохи*, изображения времени и места действия, которое неразрывно связано и определяет само действие. <...> И так же, как блестящие и победно успокоенные 20-е годы прошлого столетия мы называем Пушкинским временем, так наши потомки с правом, ибо они будут знать «Возмездие», «Скифы» и «Двенадцать», назовут наши бушующие годы временем Блоковским [Радлова, 1920, с. 1].

Несмотря на привычку к аншлагам, Блок отказался читать стихи, а предпочел сказать несколько общих слов о Союзе поэтов, видимо, предчувствуя, что собравшаяся аудитория окажется совсем чужой и будет предрасположена к тому, чтобы услышать иную поэзию – «революционную». Рейснер с удовольствием использовала этот эпитет где ни попадая, в том числе и по отношению к Блоку. «Вернуться в Петербург после трех лет отсутствия почти страшно, – восклицала она в одном из фельетонов, – что с ним случилось, с этим городом революции и единственной в России духовной культуры? <...> Неужели же в пустыне духа, которую третий год проходит борющаяся новая Россия, неужели в мертвом конце осады, среди страданий, поражений и побед великого народа не подымется голос поэзии, науки и искусства, чтобы благословить, чтобы увенчать эти жертвы, это одиночество в целом мире, эту героическую обреченность? Неужели никто, кроме Ал. Блока, не даст революции чистого имени и вечного стиха?» [Рейснер, 1920, с. 2].

Однако для присутствовавших в зале б. Тенишевского училища слушателей «революционная» поэзия означала совсем иное, чем то, что продвигала Рейснер, поэтому появления Блока оказалось недостаточно. Потребовалось доказательство безоговорочного принятия новой власти и успешной перековки в «революционные» поэты. Для этого на сцену был выставлен Сергей Городецкий, в прошлом литературный соратник Гумилева и отставной синдик «Цеха поэтов», недавно объявившийся в Петрограде и безоговорочно присягнувший новому режиму. «Это время он провел в Закавказье за пределами советской России, куда он бежал, оглушенный первыми громами революции, – писал пролетарский поэт Федор Грошиков. – Правда, путь из Закавказья в Петроград довольно далекий и нелегкий, но С. Городецкий сделал путь еще более

далекий и еще более трудный – он пришел к революции. Он пришел с “того” вражеского лагеря» [Грошиков, 1920, с. 4]. Впрочем, оправдать Городецкого не представлялось возможным, как бы он ни старался соответствовать новому правопорядку:

4 августа состоялось первое выступление «нового» С. Городецкого с чтением последних произведений.

Творчество Городецкого многим известно. В свое время немало говорилось и писалось о нем как о создателе своеобразного течения в поэзии, давшего впервые каноны акмеизма.

Многие еще не забыли лучшего сборника его стихов «Ярь», вышедшего в годы беспросветно-душной реакции (1907 г.). В эти дни мистических сумерек человеческой мысли он создал своих солнечных, ярких, языческих богов, осветивших гнилое, нездоровое болото общественной жизни.

В дальнейшем своем творчестве Городецкий потерял себя и своих ярких богов и с головой ушел в интеллигентную пошлятину, а с началом войны в позорный шовинизм. Трудно простить поэту его известное стихотворение «Сретение царя». Но в то время не он один поддался на провокацию патриотизма; в ней повинна, за небольшим исключением, вся тогдашняя интеллигенция.

Автор прочитал ряд новых стихотворений из циклов: «Молот и Серп», «Нефть» и «Грузинские ночи» [Там же].

В своих воспоминаниях Николай Тихонов описывал этот вечер едва ли не как процесс публичного избияния Городецкого:

Ларису Рейснер я почти не знал, я слышал, что она стала комиссаром Балтфлота. Но сочетание Городецкого и ее вступительного слова настолько поражало, что я пошел на этот вечер.

Народ, конечно, был самый разный. Главным образом молодежь, студенты, молодые рабочие женщины. Эти люди представляли зрелище восторженное, они все были обносившиеся, полуголодные, скромные. Это пришли люди действительно слушать стихи.

И вдруг перед нами появилась красотка. Молодая красавица, блестящая, она была великолепно, я бы сказал, вызывающе одета, в розовой шляпке, очень уверенная. Я не знал Ларисы Рейснер и первый раз в жизни ее видел, и она производила впечатление какого-то видения из другого мира. Начался вечер. <...> И вдруг с первых же слов этой красотки начался полный разгром Городецкого. Это был такой разгром, как будто его пригвоздили к позорному столбу, против него были обращены ядовитые речи, смертельные обвинения. После

такого выступления участнику можно <было> только возмутиться и протестовать.

Но никаких протестов не было, Городецкий сидел, слушал. И вот Лариса Рейснер кончила свою обвинительную речь и, довольная собой, села как ни в чем не бывало. Городецкий подошел к ней, горячо поблагодарил за выступление и даже поцеловал почтительно ее руку. Потом он начал читать стихи. Но стихи читал революционные¹⁷ [Тихонов, 1980, с. 116–117].

Судя по тому, что у вечера в «Тенишевском зале» была предыстория¹⁸, можно предположить, что Городецкому было известно о том, через что ему предстоит пройти на «трудном пути к революции». 20 июля они вместе с Рейснер посетили Блока, который отметил в записной книжке: «Лар<иса> Мих<айловна> Раскольникова вечером, Городецкий и Е.Ф. Книпович и Оцуп» [ЗК-61, л. 16] (ср.: [Блок, 1965, с. 497]). Присутствовавший поэт Николай Оцуп позже написал об этом визите:

Внизу послышался треск мотора. «Вероятно, за мной из Чека», – улыбнулся Блок. Любовь Дмитриевна встала и, поглядев в окно, крикнула: «Сашенька, какая-то дама и... Сережа Городецкий». В передней, куда Блоки вышли встретить гостей, раздались восклицания и даже звуки поцелуев.

– Так ты жив? – спросил Блок.

– Благодаря ей, благодаря Ларисе Михайловне, – отвечал Городецкий, бывший с белыми белым, с красными красным, но захваченный красными, как белый где-то на юге, и в самом деле спасенный от расстрела комиссаршей Ларисой Рейснер. Спутницу Городецкого, ныне покойную, я знал еще по университетскому кружку поэтов. Амбициозная, красивая, сероглазая поэтесса, издательница и редактор претенциозного журнальчика «Рудин» Лариса Рейснер тогда уже обещала стать чем-то из ряда вон выходящим. Она и стала комиссаршей, женой Раскольникова, блестящей звездой советских салонов.

¹⁷ Чтобы показать свою лояльность, Городецкий тогда же напечатал стихотворный фельетон «Покойнички» с несуразной концовкой:

*Где стоял, там и сел
На сенце я:
До конца уразумел,
Что значит интеллигенция.*

[Городецкий, 1920а, с. 3]

¹⁸ См. индифферентную запись Блока: «Вечер Городецк<ого> с Л. Рейснер в Тениш<евском> Зале, мое слово о “Союзе поэтов” – в 7 часов» [ЗК-61, л. 17 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 498]).

Утверждают, что, будучи комиссаршей во флоте, она сама подписывала смертные приговоры.

Городецкий и Рейснер, только что приехавшие с юга, восторженно заговорили о «Двенадцати». Блок молчал.

– Покажи, Саша, все, что выпустил за это время, – попросил Городецкий.

Блок покорно пошел за книжечками «Алконоста».

Просмотрев книжечки, Городецкий начал говорить о себе, о мерзавцах белогвардейцах, о великой красной армии, о гениальном Раскольникове, о том, какую дорогой ценой он, Городецкий, купил счастье жить в великой рабочей республике. Блок слушал эту коммунистическую тарабарщину, всё более и более омрачаясь.

Чтобы изменить разговор, мать Блока спросила Ларису Рейснер:

– Как же вы себя чувствуете среди матросов. Вероятно, атмосфера простая, здоровая.

– О, нет, половина матросов больна сифилисом.

Лариса Рейснер любила бравировать цинизмом, и у Блока хотела щегольнуть свободной от «предубеждений и ложного стыда». После неловкой паузы Рейснер обратилась к Блоку с предложением прочесть несколько лекций во флоте.

Блок отказался с милой улыбкой.

– Но паек... – начала Рейснер.

Блок отказался резко, уже без улыбки [Оцуп, 1927, с. 4].

«Первое, что он мне сказал, когда мы обнялись летом 20-го года после долгой разлуки, – припоминал Городецкий, – это то, что он колет и таскает дрова и каждый день купается в Пряжке. Он был загорелый, красный, похожий на финна. <...> Встреча эта была чудесная, незабвенная. “Милому с нежным поцелуем”, написал он мне на “Двенадцати”. Опять сидели за столом, как в юности, все, Любовь Дмитриевна <Блок> и Александра Андреевна <Кублицкая-Пиоттух>» [Городецкий, 1922, с. 87]. Блок, действительно, подарил Городецкому «Двенадцать» (Пг., 1918) с инскриптом «Милому Сергею Городецкому с нежным поцелуем. Ал. Блок. 20 июля 1920» [Дарственные надписи Блока, 1982, с. 52]. 22 июля Кублицкая-Пиоттух писала Марии Бекетовой: «Приехал Городецкий. Был у нас. Он всё такой же веселый и славный. Записался в партию коммунистов» [Блок в переписке, 1982, с. 505].

Действительно, по прибытии в Петроград Городецкий придерживался в своих печатных выступлениях исключительно большевистской линии. «Вся огромная писательская братия отыгралась от революции одной, правда гениальной, но всё же одной поэмой: „Двенадцатью“ Александра

Блока“», – писал он в «Разложении интеллигенции» [Городецкий, 1920б, с. 1]¹⁹. В другом памфлете, напечатанном несколько дней спустя в той же газете, он снова не смог обойти поэму Блока: «В общем, поэзия постоjala за себя. И как венец ее, как первый поэт наших дней, медленно, но верно растет Блок. Его “Двенадцать”, написанные в атмосфере саботажа, поистине подвиг. И если б он раскрыл сейчас свои уста и за двенадцатью увидел миллионы, – а это будет, этого все ждут, как праздника, – если б он допустил себя до радости понять всё происходящее, то за судьбу поэзии можно было б быть спокойным» [Городецкий, 1920в, с. 2]²⁰.

Категорическим неприятием такой «смены вех» можно объяснить отсутствие на вечере петроградского Союза поэтов Гумилева, одного из его учредителей, тем более что за два дня до этого Городецкий побывал на его чтениях в Доме Искусств²¹. «В четверг (5-го августа 1920 г. – А.У.) я познакомилась с Сергеем Городецким... – записала чувствительная современница. – Он мне не понравился. Лицо – хищной птицы. Зубы – хищного зверя. И говорит обо всем со страшным апломбом» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 380]. Сам же Городецкий потом признавался в одной из автобиографий: «Летом вместе с Ларисой Рейснер я поехал по Волге в Нижний, где в Сормове состоялось первое мое выступление перед русской советской аудиторией. Затем работал в Петрограде, где меня назначили начальником литературной части Политуправления Балтфлота. Из старых друзей я встретился с А. Блоком. Встречи с Н. Гумилевым окончились полным разрывом» [Городецкий, 1966, с. 19]²².

¹⁹ См. также в написанном им некрологе Блока: «На грани двух миров стоит он, зоркий и печальный, проклиная прошлое и благословляя будущее» [Городецкий, 1921, с. 58].

²⁰ В тот же день Блок отметил в записной книжке: «Моховая. Хлеб. Горьк<ому> об Оцупе. Жалованье (Всемирка). Всё заседание – о фельет<оне> Городецкого и о пайках» [ЗК-61, л. 18 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 499]). См. также чуть более поздний памфлет Городецкого «Литература и мешанство» [Городецкий, 1923].

²¹ Как было объявлено в афише: «В Понедельник, 2-го Августа ВЕЧЕР Н. ГУМИЛЕВА 1) Из африканских воспоминаний (проза). 2) “Дитя Аллаха” (Драматическая поэма). 3) Стихи. Начало в 7 час. веч.» (цит. по: [Гумилев, 1988, между с. 128–129]). См. отчет о вечере: [Оцуп, 1920, с. 1]. В тот же день накануне выступления Гумилев провел занятия в переводческой студии М. Лозинского: «В малиновой гостиной заняты все стулья и кресла и сидят на ковре. Два окна закрыты ставнями, а на фоне третьего колочий, сутулый, в лиловой куртке – Ремизов, он читает. И голос его звучит таинственно и уютно. Я слушаю с большим удовольствием и жалею, что нет рукодей. <...> Затем в зале звонко взлетают отточенные рифмы. Это – Гумилев. Я сижу, широко открывая глаза» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 379].

²² См. также его записки, отправленные Рейснер 1 августа 1920 г. со следующим пояснением: «Дорогой друг. Я написал вам этапы своего мучительного литературного пути. Все воскресло в памяти. Многие во мне вам станут понятным. Сохраните эти листы – это единственное, что я о себе записал. Псылаю книги. Целую ваши милые руки и Федора Федоровича (Раскольников. – А.У.) целую» [Городецкий, 1969, с. 187].

Вскоре после расстрела Гумилева Городецкий позволил себе неуместные высказывания по его адресу в воспоминаниях об умершем Блоке, впрочем, и его не избавив от упреков. Без тени смущения припомнил он и свое позорное появление на сцене Тенишевского зала:

Усталой души Блока хватило только на последний порыв. И за месяц своего пребывания в Петербурге я скоро убедился, что первое впечатление о сохранности его первоприродных сил было у меня преувеличено. Вскоре я его увидел во всех позах его последней жизни: на вечере его в Вольфиле, где он читал «Возмездие» аудитории из дам и барышень, любивших в нем совсем не то, куда он шел сокровенно; в палатце «Всемирки», где он дэндировал революцию вместе с ненавистным ему Гумилевым; в канцеляриях, в заседаниях. Был еще хороший момент, когда он пришел к Раскольниковым в Адмиралтейство, ...где Лариса Рейснер, прошедшая всю Волгу и Персию с революционерками, была неодолимым агитатором, где были немецкие товарищи, приехавшие на Коминтерн. <...> Любовь и уважение этих новых людей дали ему оценить петербургское литературное болото, которое затянуло его с головой. Он опять был весел, молод, остроумен и силен. Но на утро опять начиналась осада эстетов и литераторов и канцелярская скука. <...>

На моем вечере в Думе, где я читал новые стихи, в которых с обычным мне наскоком на будущее фиксировал в данность желаемое и требуемое, он очень взволнованно говорил мне, что не всё принимает, что я многого не вижу и не знаю²³. Этот разговор продлился потом, и в последние дни перед моим отъездом дошел до разлада, правда, не такого, какой у меня произошел с депутатией петербургской интеллигенции, возглавляемой Гумилевым, но всё же трещина ощутилась очень болезненно, и с этим тяжелым впечатлением я и уехал, чтобы не увидеть Блока никогда больше [Городецкий, 1922, с. 87–88]²⁴.

Осенью 1920 г. вечера петроградского Союза поэтов стали проводиться достаточно регулярно. Пробный «Вечер поэтов с музыкальным

²³ «Я все еще запряжен в балтфлотские дела, и к тому же начинаю “линять” – устаю, – писал Городецкий Блоку 8 августа. – И все нет тихого вечера для беседы с тобой, что мне особенно нужно после твоих фраз о моих стихах. Мне было очень трудно перед аудиторией, от которой я совершенно отвык, – на моем вечере. А ведь то, что я выступил именно перед ней, было, м<ожет> б<ыть> бессмысленным опытом начать стягивать концы раны, оторвавшей интеллигенцию от революции, – что делаешь и ты – “Двенадцатью”, и что, по-моему, первый долг твоего союза поэтов. Но ничего не вышло, у меня было ощущение горькой пустоты после вечера, я опять попался на удочку чуда» [Блок, Городецкий, 1981, с. 61].

²⁴ Об отношениях Гумилева с Городецким после возвращения последнего с Кавказа см.: [Тименчик, 2017, с. 496–506].

отделением», в котором было заявлено выступление Гумилева и Владимира Пяста, состоялся в Павловске, в 1918 г. переименованном в Слуцк²⁵. «7 сентября состоялся первый вечер поэтов в Павловском вокзале, – говорилось в газетном отчете. – В первом отделении вместо Н.С. Гумилева выступил Сергей Ауслендер-Нельдихен, Вл. Пяст, Н.М. Граудан (заменивший виолончелиста Е.В. Вольф-Израэля) и Р.А. <Г>риневич (пение). Большое впечатление произвела во втором отделении поэтесса <Н.В.> Голубицкая-Корсак, как мастерством своего стиха (“Псалом”, “Перстень” и др.), так и совершенством передачи» (ЖИ. 1920. № 554–555. 11–12 сентября. С. 2. Ср.: [Галушкин, 2005, т. 1, ч. 1, с. 617–618]).

В начале сентября было принято решение, что постоянной площадкой для поэтических вечеров петроградского Союза поэтов станет Дом Искусств, или «Диск», как иногда его называли» [Ходасевич, 1907, с. 275]. Параллельно с этим вопросом обсуждалось участие членов Союза поэтов в дебютном выпуске журнала «Диска». 8 сентября Блок отметил в записной книжке: «На Засед<ании> Высш<его> Совета Дома Иск<уств>» (о кн<ижной> лавке, о журнале), а еще несколько дней спустя записал: «Н.А. П<авлович> – поселить в Доме Иск<уств>»²⁶ [ЗИ-61, л. 20 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 501]).

«Для публичных выступлений Союз поэтов вошел в соглашение с Домом Искусств, в залах которого состоялось пять вечеров стихов, – сообщалось в обзорной статье. – Первый 4-го сентября – Ал. Блок. – “Возмездие” (поэма), В. Зоргенфрей, Н. Оцуп – “Александрина” (поэма), Всеволод Рождественский, Надежда Павлович – “Серафим”, М. Шкапская – “Mater Dolorosa”. Второй – 11 сентября: Н. Гумилев, Георгий Иванов, Наталия Грушко, Борис Евгеньев, Л. Берман, С. Нельдихен-Ауслендер, Ирина Одоевцева. Третий вечер: Вера Аренс, Дм. Крючков, М. Кузмин, О. Мандельштам, Анна Радлова, Дм. Цензор

²⁵ См. афишу: ЖИ. 1920. № 550. 7 сентября. С. 1. Ср. оговорки А. Кублицкой-Пиотух в письмах к М. Бекетовой 3 сентября: «Про Союз поэтов: он еще только налаживается», – и 18 сентября 1920 г.: «“Союз поэтов” еще только возникает, ничего не оформилось, и не знаю будет ли в нем толк. Некому руководить. Деточку (А. Блока. – А.У.) чуть не силой принудили быть председателем, и Надя Павлович – секретарь, растеряха, больная, беспорядочная и проч.» [Блок в переписке, 1982, с. 509, 510].

²⁶ Благодаря участию Блока, Павлович поздней осенью 1920 г. переехала из Максимилиановского переулка в общежитие Дома Искусств. «Заключительные слова» Эдгара в редакции Блока приведены Вл. Орловым по хранившейся у него машинописи перевода «Короля Лира» с пометками Блока и Замятина (см.: [Блок, 1965, с. 600]):

*Смиримся же пред тяжкою годиною;
Да, говорите, что подскажет сердце,
Никак не то, что говорить должны.
Всех больше вынес старец. Юны мы,
Не суждено нам видеть столько тьмы.*

и т.д.» (Союз Поэтов // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 74.). Указанные в этом отчете даты – неверны, но именно из этого отчета они попали в публикации последующих лет, начиная уже с рукописи Лукницкого²⁷.

Вечера Союза поэтов были запланированы на общем заседании 7 сентября:

Устроить в ближайшем времени следующие вечера в Доме Искусств:

1) В среду 15-го сент<ября>.

Стихи

1 отд<еление>

В. Зоргенфрей

Н. Оцуп

Н. Павлович

В. Рождественский

М. Шкапская

2 отд<еление>

А. Блок – «Возмездие» (поэма)

2) Вечер стихов с участ<ием> Н.С. Гумилева

3) 29 сент<ября> юбилейный вечер М. А. Кузмина

Устройство вечеров (за исключ<ением> худож<ественной> части вечера М.А. Кузмина) поручить хозяйств<енной> комиссии.

[цит. по: Рождественская, Тименчик, 1987, с. 691–692]

Как извещала газета «Жизнь Искусств» в развернутой статье «В “Союзе поэтов”», начало «публичным выступлениям» в Доме Искусств, согласно решению Высшего Совета, должен был положить поэтический вечер 15 сентября 1920 г.:

Союз поэтов устраивает ряд вечеров, в которых примут участие: Ирина Одоевцева, Вера Арэнс, Анна Ахматова, Л. Берман, А. Блок, Вл. Гишпиус, С. Городецкий, Наталия Грушко, Н. Гумилев, Борис Евгеньев, К. Эрберг, В. Зоргенфрей, Георгий Иванов, Вл. Княжнин, Дм. Крючков, М. Кузмин, М. Лозинский, С. Нельдихен-Ауслендер, Николай Оцуп, Надежда Павлович, Всеволод Рождественский, Анна Радлова, Лариса Рейснер, Маргарита Тумповская, Александр Тамамшев, Дмитрий Цензор, Мария Шкапская.

Первый вечер состоится в Доме Искусств в среду, 15-го сентября, по следующей программе: Александр Блок – «Возмездие» (поэма), Николай Оцуп – «Александрина» (поэма), В. Зоргенфрей, Н. Павлович, Вс. Рождественский и М. Шкапская – стихи. <...>

²⁷ Публикаторы «Трудов и дней Н.С. Гумилева» в подтверждение ссылаются и на хронику «Николай Гумилев» Е. Степанова (в кн.: [Гумилев, 1991, с. 418–419]), который позаимствовал даты вечеров Союза поэтов из того же журнального отчета.

Все справки, касающиеся «Союза», дает секретарь по телефону 145–73 от 4–6 по пятницам (Симеоновская, 3, кв. 4) (телефон и адрес Вс. Рождественского. – А.У.). Возобновлен прием стихов для желающих вступить в «Союз» (Приемная комиссия: А. Блок, Н. Гумилев, М. Кузмин, М. Лозинский) (В «Союзе поэтов» // ЖИ. 1920. № 556. 14 сентября. С. 2).

Первый вечер Союза поэтов состоялся только неделю спустя: «Назначенный на среду 15 сентября в Доме Искусств первый вечер “Союза поэтов” переносится на среду 22 сентября. Программа та же», – но с тем же заявленным составом выступающих (ЖИ. 1920. № 557. 15 сентября. С. 1.). Блок отметил в записной книжке: «22 ср<еда>. 1^{ми} Вечер Союза Поэтов в Доме Искусств» [ЗК-61, л. 21 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 502]).

Следующим стало чествование Михаила Кузмина. «В среду 29-го сентября в Доме Искусств состоится юбилейный вечер М.А. Кузмина, ввиду исполнившегося пятнадцатилетия его литературной деятельности, организуемый Петербургским Отделением Всероссийского Союза поэтов, – говорилось в официальном заявлении. – Вечере принимают участие: М.А. Кузмин, О.А. Глебова-Судейкина, А.И. Мозжухин, В.Я. Хортик, А.М. Примо и др. В фойе выставка книг, нот, рукописей, рисунков и портретов» (ЖИ. 1920. № 568. 28 сентября. С. 2. См. также афишу: ЖИ. 1920. № 566–567. 25–26 сентября. С. 1). Дополнительные подробности сообщил обозреватель «Жизни Искусства»: «29-го сентября там же Союз поэтов чествует пятнадцатилетие литературной деятельности М.А. Кузмина. В программе намечено: пьеса “Два брата или Счастливый день” в исполнении труппы Передвижного театра и музыкальное отделение, составление которого поручено В.Г. Каратыгину. М.А. Кузмин прочтет ряд своих неизданных стихов. В фойе будет устроена выставка рукописей, нот, книг и рисунков» (В «Союзе поэтов» // ЖИ. 1920. № 556. 14 сентября. С. 2).

Это чествование отвечало странной привязанности Кузмина к публичному празднованию собственных дат. Так, предыдущий свой «юбилей» он отмечал 29 октября 1916 г. в петроградском театре-кабарэ «Привал комедиантов», где специально к «X-летию литературной деятельности М.А. Кузмина» был подготовлен спектакль, включавший также «мимический» балет «Выбор невесты» в постановке хореографа Бориса Романова с декорациями Мстислава Добужинского [Конечный и др., 1989, с. 127–130]. Программа «юбилейного вечера» Союза поэтов не предполагала балетных номеров, но подготовка к нему все равно оказалась довольно непростой.

Накануне празднования организатор юбилея балетный критик Аким Вольнский получил паническую записку от Корнея Чуковского: «Я должен уйти экстренно; позвольте самым решительным образом отказаться от завтрашнего выступления на вечере Кузмина. Как я ни думал,

никакой речи у меня не выходит. Тороплюсь сообщить Вам об этом, чтобы Вы могли своевременно принять меры. Мне кажется, что Профсоюзу *не надо* выступать. Всё же это *не идейное* объединение, а чисто матерьяльное» [Чуковский, 2013, т. 14, с. 443]²⁸. Еще раньше сомнения в состоятельности вечера выразил сам Кузмин. «Разные дела. По-моему, с юбил<еем> мало, что выйдет. Гумилев и Блок писать отказались», – записал он в дневнике 17 сентября [Кузмин, 1981, с. 163].

Тем не менее, все сложилось замечательно – на вечере выступили и Блок, и Гумилев. «Пошли в Дом Искусств. А за нами прислали лошадь, – записывал 29 сентября Кузмин. – Прямо меня провели к Чуковскому и там держали долго. Блок, Рождеств<енский>, Оцуп, Грушко меня берегли. Все вышло отлично, душевно и прилично. Блок читал очень трогательно» [Там же]. «Юбилейный вечер М.А. Кузмина (Союз Поэтов в Д<оме> Иск<устств>), – пометил в тот же день в записной книжке Блок. – *Приветствие ему*» [ЗК-61, л. 22] (ср.: [Блок, 1965, с. 503]). «На вечере Кузмина я стихов не читал, а читал его приветствие в прозе», – сообщил он 18 октября Надежде Нолле-Коган [Блок, Нолле-Коган, 1981, с. 346]. «Домосед и нелюдим, он все же выступает на юбилейном вечере М. Кузмина, – вспоминал блоковскую речь В. Третьяков, – и его приветствие, как всегда, затрагивает глубоко-скрытые душевные струны. Он роняет вещие слова: “Мы должны сберечь поэта”, – и сразу все прочие формальные адреса погасли, забылись» [Третьяков, 1927, с. 2].

Блок также оставил автограф на юбилейных страницах «Чукоккалы», между другими записями: «32 м<инуты> 8-го. М. Кузмин – юбилей вместе с тем и моего знакомства с К.И. Чуковским»; «8 <часов>. 15 <минут>. Обезьянъему кавалеру Корнею Чуковскому в день юбилея Кузмина. Ну! Ну! Н. Гумилев»; «В кондуите Чуковского расписался. Виктор Шкловский. Ник. Оцуп»; «Юбилей Кузмина удался. Мне ужасно понравился весь дух. А. Кублицкая-Пиоттух»; «Молчу и жду чужих речей. Сам я оратор, увы, не юбилейный. А. Вольнский» [Чукоккала, 1999, с. 273]²⁹.

²⁸ Ср. его нелестное замечание о Вольнском в дневниковой записи 11 января 1920 г.: «Поразительный человек! Природный приживальщик. Живет у нас в Доме Искусств – припеваючи и все поет, все жалуется – заработки у него огромные, – человек он одинокий, но все попрошайничает...» [Чуковский, 2013, т. 11, с. 285].

²⁹ «В Доме Искусств было отпраздновано несколько юбилеев, – пояснял Чуковский. – Среди них мне особенно памятен юбилей поэта Михаила Алексеевича Кузмина, на котором Блок произнес замечательную речь. “Как это чудесно, – говорил он, обращаясь к юбиляру, – что, когда мы все уйдем, родятся новые люди, и для них опять зазвучат ваши ‘Александрийские песни’ и ваши ‘Куранты любви’ – те самые, которые омывали, и пропитывали, и жгли солью музыкальных волн души многих из нас... Мы от всего сердца желаем, чтобы создалась, наконец, среда, где мог бы художник быть капризным и прихотливым, как ему это нужно, где мог бы он оставаться самим собой, не будучи ни чиновником, ни членом коллегии, ни ученым”. На юбилее присутствовала мать Блока, которая горячо аплодировала сыну» [Чукоккала, 1999, с. 273].

Поклонник Кузмина критик Эрих Голлербах сообщал подробности вчераше в отчете, написанном по свежим следам для «Жизни Искусства»:

Первое приветствие произнес А.А. Блок от имени Всероссийского Союза поэтов, который, по словам оратора, задается целью сберечь таких людей, как М.А. Кузмин, охранить их от суровых условий повседневности, дать поэту возможность работать непринужденно и бестревожно. «Года проходят, многое изменилось, – сказал А.А., – а вы – всё тот же:

*Венок над головой, полуоткрыты губы,
Два ангела напрасных за спиной».*

Были и еще речи. Говорили: Н.С. Гумилев от коллегии редакторов издательства «Всемирная Литература», Б.М. Эйхенбаум от Дома Литераторов, В.<А.> Чудовский от Дома Искусств, С.<М.> Алянский от «Алконоста» (прочитавший также потешный адрес, сочиненный А.М. Ремизовым в свойственном ему стиле), В.<Б.> Шкловский, В.<Р.> Ховин. <...>

Отвечая ораторам, М.А. Кузмин в кратких словах поблагодарил всех присутствующих за внимание и честь.

Новый рассказ, прочитанный М.А., и стихи, прочитанные им во 2-м отделении, показали, на какой чудесной высоте продолжает держаться талант писателя, который, в противоположность многим «маститым», с годами не разменялся на пустяки, не утратил силы и свежести своего дарования. <...>

Вечер закончился стихами М.А., которые ему пришлось бы читать без конца, если бы не позднее время; публика была безжалостна к своему любимцу и бурными аплодисментами выражала желание слушать еще и еще красочные, мелодичные стихи, изысканные [Голлербах, 1920, с. 2].

Вообще «Жизнь Искусства» устроила настоящий «праздничный парад». В приуроченном к юбилею выпуске газеты на первой странице были опубликованы статьи «О прозе М. Кузмина» Бориса Эйхенбаума [Эйхенбаум, 1920] и «Необходимый парадокс. (М.А. Кузмин и “Жизнь Искусства”»)» Николая Стрельникова (под его поэтическим псевдонимом «Яков Пушин») [Стрельников, 1920]. 7 октября там же была напечатана статья Виктора Жирмунского «Поэзия Кузмина» [Жирмунский, 1920], а 12 октября – очерк Игоря Глебова (Бориса Асафьева) «Музыка в творчестве М.А. Кузмина» [Асафьев, 1920]. При том, что в месяцы, предшествующие юбилею, в газете появилось лишь единственное сообщение о его литературной работе: «Писатель М.А. Кузмин, по заказу издательства <З.И.> Гржебина, заканчивает монографии композиторов Гретри, Россини и Делиба» (ЖИ. 1920. № 502. 13 июля. С. 1).

Оказавшаяся на праздновании в Доме Искусств неожиданно и в сопровождении влюбленного в нее Михаила Лозинского³⁰ Ада Оношкович-Яцына (1896–1935) описывала свои впечатления от «юбилейного вечера»:

Когда я попала в битком набитый душный зал, где на эстраде что-то читал, запинаясь, маленький ненастоящий Кузмин, <меня> сразу охватила удивительно родная атмосфера.

Вот в углу черная голова Раи <Блох>, Лева Лунц, Катя <Малкина>, а между <Николаем> Радловым, <Валерианом> Чудовским, Анной Радловой, <Николаем> Оцупом, Гумом <Гумилевым> и К° – Шерфоль <Лозинский>.

Кузмин дочитывал рассказ, по-видимому, что-то интересное о двух близнецах, но, опоздав к началу, я ничего не могла понять. Дребезжащий голос звучал откуда-то издали, глотались и слова. Я бросила тщетную попытку постигнуть, в чем дело, и занялась тем, что рассматривала профиль Шера <Лозинского>. Кузмин кончил, и начались вокальные номера. Второе отделение. Я теряла представление о времени и месте, слушая Александрийские песни. Затем на эстраде пели старинные раскольничьи «духовные песни», похожие на нестеровские рисунки – «пятница, красота христианская». Я знала, что Шеру они нравятся больше Александрийских песен, и когда Катя спросила его об этом – так и оказалось³¹ [Оношкович-Яцына, 1993, с. 384].

В обзорной статье «Союз Поэтов» вечер Кузмина был признан едва ли не самым успешным из устроенных в Доме Искусств:

Наиболее удачным из всех начинаний Союза <поэтов> следует считать юбилейное чествование М.А. Кузмина (пятнадцатилетие литературной деятельности), прошедшее с исключительным подъемом и успехом (29 сентября в Доме Искусств). Были оглашены приветствия: от Союза поэтов (Ал. Блок), от издательства «Всемирная Литература» (Н. Гумилев), от изд<атель>ства «Алконост» (<С.> Алянский), от изд<атель>ства «Очарованный странник» (В.Р. Ховин), от Дома Литераторов (Б.М. Эйхенбаум), от «Общества Изучения Поэтического Языка» (Викт. Шкловский),

³⁰ См. ее каламбурную запись 29 октября, обыгрывающую название дебютного сборника стихов Лозинского 1916 г.: «Убеждала себя, что должна отказаться от Ш<ерфоль>а и не мутить его горный ключ» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 387].

³¹ См. также ее запись 28 сентября: «Последний семинар Шера перед отъездом его в Дом отдыха на две недели в Царское Село. <...> – Завтра юбилей Кузмина. Вы не собираетесь <...>? – Я вряд ли смогу. <...> – А я должен быть, неудобно. – Нет, я не пойду. Еще столько дела в квартире! Такой хаос! Шагаю под звездным небом домой и не знаю, не засосет ли меня завтра на Кузмина какая-то неведомая сила?» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 384].

от Дома Искусств (Вал.А. Чудовский), от Ал.М. Ремизова (жалованная грамота Кавалеру и Музыканту ордена Обезьяньего Знака) и др. (Союз поэтов // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 74.)

Более того, этот вечер стал темой стихотворения Александра Беленсона «На юбилее М.А. Кузмина», вторую половину которого он посвятил выступлению Блока и повторил слова из его речи – «Мы должны беречь поэта»:

*Александрийской мне затеи
Стихи Духовные милее,
В них вера русская видна.
Как на старинных медных кубках,
Острился профиль Кузмина.
Певец сетей, голубок хрупких,
Ведомый мудростью вожатый,
Он держит розу, и она,
Любовно кем-то подана,
Рукою бережной не смята.*

*А рядом профиль светлый Блока,
Задумчивый, голубоокий
В искусственном мерцанье свеч.
С улыбкой беззащитной детской
Его взволнованная речь
О доле русской, не немецкой.
О том, что средь развалин храма,
Где прежде крест был, нынче – меч,
Должны поэта мы беречь
И сохранять разбитый мрамор.*

[Беленсон, 1922³², с. 27]

Последующие вечера Союза поэтов должны были придерживаться того же расписания. «В среду 6 октября с<его> г<ода> <в> Доме Искусств состоится организуемый Всероссийским Союзом поэтов второй вечер стихов, – сообщила хроника, не принимавшая в счет «юбилейный вечер» Кузмина, – при участии Нат. Грушко, Н. Гумилева, Бориса Евгеньева, Георгия Иванова, М. Лозинского, С. Нельдихен-Ауслендера,

³² См. отклик на эту книгу другого поклонника Кузмина, поэта Иннокентия Оксенова: «Мы ждем с нетерпением обещанного издательством “Атеней” “Неизданного Пушкина”; мы понимаем необходимость и интерес подобных собраний неизданных произведений каждого выдающегося поэта. Но не совершил ли Александр Беленсон известного рода некорректность, выпустив в свет “Неизданного Кузмина” при благополучно здравствующем поэте и дав, кроме того, этому собранию свое собственное творческое имя? Но шутки в сторону. Где кончается Кузмин и начинается Беленсон, не скажет самый отважный исследователь “гностических” премудростей “Тесных врат”. Темы, словарь, ритмика – корочка сказать, всё, без исключения, заимствовал Беленсон у Кузмина. <...> За каждым стихотворением Беленсона явственно сквозит второй план – творчество Кузмина, питающее нашего автора. Местами это дает впечатление не стилизации, а пародии» [Оксенов, 1923].

Ирины Одоевцевой и Маргариты Тумповской. Билеты в Доме Искусств и в Доме Литераторов. Начало в 6 час. веч.» (ЖИ. 1920. № 574. 5 октября. С. 3). Об этом вечере написал Михаил Слонимский в статье «Вздутожилая поэзия»³³, позаимствовав эпитет из стихотворения «Человек человеку – волк (Вечер)» Сергея Нельдихена, чьи неожиданные поэтические опыты были у всех на слуху осенью 1920 г.:

На протяжении семи лет – три резко различающихся поколения – люди мирного, военного и, наконец, революционного времени. <...> Молодые поэты, придавленные стихотворной техникой Гумилева, безнадежно блуждают между Блоком, Ахматовой, Гумилевым, Маяковским... Учатся в студии, как писать стихи, и никак не могут перестать быть учениками.

Строить новое направление легко, – стоит только взглянуть во французский словарь: там много хороших слов – image, например; остается прибавить «изм» и направление готово – имажизм или, покрасивее, имажинизм.

Каждый чувствует, что должно же быть, наконец, что-то новое, и поэты бьются, чтобы это новое сказать. А новое мелькает неясно, и никак нельзя его ухватить.

Публика стекается на вечера поэтов, академически хлопает академически хорошим стихам и запоминает фамилии, отпечатанные на афише.

Последний вечер поэтов, устроенный в Доме Искусств, обещал быть таким же спокойно академически интересным, как и предыдущие. Обещали это и имена участников: Гумилев, Георгий Иванов, Нат. Грушко.

Но внезапную остроту предал вечеру С. Нельдихен-Ауслендер. Внезапно публика услышала человека новой формации.

Нельдихен-Ауслендер взял верный путь: его поэма – это автобиография. Прием его – полная телесность образов, конкретизация, доведенная до *pesplusultra*. Он нисколько не стесняется употреблять «непоэтические» образы и обороты речи.

<...> Поэтической лжи в нем нет ни капли. Он нисколько себя не стилизует и выбирает самые грубые эпитеты для определения себя и окружающего мира. <...>

Сказал Нельдихен-Ауслендер мало и не всё сказал хорошо, но его «вздутожилая» поэзия, если не сойдет с дороги, может в будущем открыть новое и неожиданное.

³³ В рукописи название статьи было прочитано неверно, поэтому она была опубликована под заголовком «Вздутогнилая поэзия» (см. [Нельдихен, 2013, с. 408–409]).

Во всяком случае его стихи (странно применить это академическое слово к тому, что пишет Нельдихен-Ауслендер) ярко оттенили всё то новое и старое, что было на вечере, – и поэтов мирного времени Нат. Грушко и Г. Иванова, и прекрасные баллады Ирины Одовецкой, романтизирующие современность, и «Заблудившийся трамвай» Гумилева [Слонимский, 1920, с. 1].

Следующий вечер, объявленный в «Жизни Искусства»: «В среду 13-го октября с <его> г<ода> в Доме Искусств состоится третий вечер стихов. Будут читать свои произведения Вера Аренс, Дмитрий Крючков, Мих. Кузмин, Вл. Пяст. Билеты в Доме Искусств и в Доме Литераторов. Начало в 7 час. вечера» (ЖИ. 1920. № 577. 8 октября. С. 1), – оказался и последним из устроенных в «Диске». Воспоминания об этих вечерах Союза поэтов оставил В. Третьяков:

Вечером в Доме Искусств, в его белом парадном зале снова увидишь украшение Петербурга – старенького Кони на костылях и с палкой. Он всё же читает лекции в разных концах. <...> Голос еще крепкий в старом человеке, привычный, спокойный, повсюду слышный. И какой выговор!

В другой вечер К. Чуковский тут же броско, искристо прочтет о Маяковском и Ахматовой. Назовет их «Две России» – уличной и монашеской. Он всегда умеет найти, чем восторгаться даже в малосимпатичном. Этот находчивый восторг – его орудие. И всегда есть что-то детское в его подходе, удивляющееся. Он умеет удивляться и восторгаться, и этим заражает слушателя. А кто еще из критиков наших владеет таким искусством?³⁴

Читая о двух Россиях, Чуковский обещает в следующий раз коснуться одной гениальной поэмы – «Возмездия» Блока. А он тут же сидит в своем френче у боковой стены, и знающая публика (отборная здесь) сейчас же обращает на него взоры. Две барышни, улыбаясь, переглядываются друг с другом, найдя Блока среди сидящих. Это столичное

³⁴ Ср. замечание Третьякова о зависимости стихотворений Ахматовой от поэзии Гумилева: «Что из того, что она много раз рифмует любовь и кровь, очи и ночи, поле и воля или пишет часто простыми старинными метрами и размерами. Живость, искренность, изысканная ритмика ее песни, своеобразие подхода в жизни искупают всё это. <...> А какая трепетная нежность к любимому, к милой русской природе, к простым обыденным вещам у этой поэтессы-монашенки с огненным сердцем. В этом всепрощающем и тихом любовном созерцании у нее общее с М. Кузминым. <...> Будучи женой покойного поэта Гумилева, она примкнула к его теории “адамызма”, но всё-таки сумела ярко сохранить свое лицо. Среди ее стихов немало найдется, конечно, навеянных личностью и поэзией такого перво-классного мастера слова и обаятельного человека, как Гумилев» [Третьяков, 1921б, с. 2].

обожание писателя, а не крикливая влюбленность провинциальных барышень в актеров.

В антрактах по комнатам Дома Искусств весь литературный Петербург. Седовласый изможденный писатель, а рядом литературный молодец: Н. Оцуп, Рождественский, Одоевцева. Отовсюду слышны суждения завсегдатаев, а не случайных посетителей.

На вечере стихов та же избранная петербургская публика. Сидя, читает Блок спокойным, матовым, слегка носовым голосом отрывок из «Возмездия»³⁵. Гумилев, стоя и наизусть гортанным голосом³⁶, металлическим баритоном произносит свои стихи, а в заключение поэму³⁷.

Читает Шкапская; тогда еще начинавшая, неокрепшая, вызывавшая еще улыбку сентиментальностью подхода. Читает торопливо, смущенно Рождественский свои жизнерадостные стихи. Выходит Нельдихен и начинает свою шутовскую «Лабораторию медицинских исследователей». Публика уже ждет от него чего-нибудь особенного и заранее улыбается. Читает круглый, солидный, но молодой Оцуп поэму из белорусской жизни. Он тогда носился с идеей насаждения в России большого эпоса³⁸.

³⁵ «Еще звучит в ушах его спокойный, как будто сдерживающий огромную лирическую силу, голос, – писал Третьяков в статье памяти Блока, – видишь еще так четко его медленные жесты и походку. Вот он, спускаясь размеренным шагом с лестницы издательства “Всемирной Литературы” на Моховой, отщипывает кусочки от своего хлебного литературного пайка и подносит ко рту. Вот он у себя на Офицерской в защитном френче и сапогах, как всегда сдержанный, смотрит куда-то через собеседника своими удивительными глазами вещей скандинавских бардов» [Третьяков, 1921а, с. 3].

³⁶ См. диаметрально противоположный отклик о манере чтения Гумилева: «Читали свои стихи сами поэты, – одни лучше, другие хуже. Хуже всех оказался, как тчет, Н. Гумилев, который старался произносить “стихи с тем напевом”, который одно время был таким модным, а теперь, потеряв прелесть новизны, стал невыносим, когда бы не чувствуете в нем музыкального ритма, а видите (как у Н. Гумилева) одно лишь мучительное старание не отстать от “моды”...» (К. <Канкарович А.??> Оранжевая поэзия // ЖИ. 1921. №№ 786–791. 26–31 июля. С. 3). Ср.: «Говорил Гумилев слегка шепелявя, успокаивающе-ровным голосом» [Лурье, 1923, с. 9].

³⁷ Владимир Шкловский вспоминал совместные чтения Гумилева и Блока: «Высокие, негибающиеся, стоя друг перед другом, оба читали вслух свои стихи особым распевным речитирующим тоном, характерным для петроградских поэтов, когда они сами декламируют, и который отмечен Эйхенбаумом в его статьях» [Шкловский, 1922].

³⁸ См. в репортаже В. Третьякова «Петроградские письма»: «“Деревенскими ямбами” шеголяет насквозь акмеистический, поэтически разборчивый Вс. Рождественский, очень четкий и впечатляющий. <...> Верный своему принципу больших композиций, призванных теперь на смену мелкой лирике, Николай Оцуп опубликовал на последнем вечере поэму из современной белорусской жизни “Александрина”» (Театр и жизнь (Рига). 1920. № 3. С. 7) [цит. по: Рождественская, Тименчик, 1987, с. 693]. Ср. саркастическую ремарку Блока 13 сентября: «“Александрина” Оцуца (к образов<анию> лит<ературной> среды)» [ЗК-61, л. 20 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 501].

После вечера возвращаешься при скудных фонарях, по звонким плитам, толкуя о распоясанности имажинистов и собранности акмеизма³⁹. Тут же празднуется 15-летие литературной деятельности М. Кузмина. Сам он невысокий, тонкий стоит на подиуме и принимает поздравления. Блок говорит проникновенно о значении поэта, о необходимости сбересть его, а затем поздравляет юбиляра. Гумилев читает ему ряд адресов и, держа прямо голову в высоком воротнике, целует его. Затем ряд депутатий, которые, как всегда, что-то читают и говорят обычное. Наконец, юбиляр отвечает. Начинает с юмористического заявления, что он «еще менее красноречив, чем предыдущие ораторы». Публика смеется и аплодирует.

В розовой гостиной на столах разложены книги и ноты Кузмина, на щитах, – рисунки и портреты.

Во всем видны дружба и спайка [Третьяков, 1926, с. 2].

Вечера в Доме Искусств были прерваны по решению нового правления петроградского Союза поэтов, во главе которого в середине октября встали Гумилев и сперва отказавшийся, но спустя неделю согласившийся Блок. История смены «союзного» руководства многократно пересказывалась и хорошо известна. Наиболее важными документальными свидетельствами остаются записи Блока:

28 <сентября> вт<орник>. Моховая. Дрова. Хлеб. Жалованье (и за I пол<овину> сент<ября>) расп<иска> есть. (За гр<анью> прошл<ых> дней – Зоргенфр<ею> и Рождеств<енскому>) после в С<оюз> поэтов.

[Рожд<ественскому> – о Радловой.] <...>

Гумилев и др<угие>⁴⁰ фрндирует <sic!> против Павлович и Шкапской [ЗК-61, л. 21 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 503]).

³⁹ Замечательны наблюдения об отличиях Петрограда и Москвы и отдельно об имажинистах в письмах Кузмы Петрова-Водкина. «Здесьняя жизнь ничем не напоминает петроградскую, – писал он жене 18 июня 1921 г. – Вчера, например, я был в кабаре молодых писателей, так называемых „имажинистов“ – меня шикарно приняли: с кофе, пирожками и речами. Они блещут варваризмами и талантами. Это придает жизни. Мы на берегах Невы слишком тяжеловесны, слишком серьезные и слишком дохлые» [Петров-Водкин, 1991, с. 213–214]. «Изобразить Москву немисливо, – размышлял он в письме к искусствоведу и коллекционеру Федору Нотгафту: – “имажинисты”, кафе и музыка бульваров, восточной роскоши рынки, черные лица бухарских халатов. Шум, партийный гвалт художников всех клик <...>; русофильство, антисемитизм, интернационал, – сатана здесь правит бал, – ну как же можно порядком, толком рассказать о Москве при такой конъюнктуре. Это снаружи, как пена, а речка течет жутко и это уже не весело...» [Петров-Водкин, 1991, с. 214–215].

⁴⁰ Блок вписал «и др.» сверху к сделанной записи: «Гумилев фрндирует против Павлович и Шкапской».

3 окт<ября>, в<о>скр<есение>. <...> Павлович и Оцуп уговаривают через маму по телеф<ону> не уходить из Союза поэтов [ЗК-61, л. 22] (ср.: [Блок, 1965, с. 503–504]).

5 окт<ября> вт<орник>. В 6½ – презид<иум> и общ<ее> собр<ание> Союза Поэтов. Я ухожу от председ<ательствования>. „Президиум“ тоже ушел⁴¹ [ЗК-61, л. 22] (ср.: [Блок, 1965, с. 504]).

12 вт<орник>. <...> Союз поэтов в 7 час. буд<ет> выбир<ать> новое правление. А я – в *театр* [ЗК-61, л. 22 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 504]).

13 ср<еда>. <...> Утром пришло поэтов 15 и заставили меня остаться председателем Союза [ЗК-61, л. 23] (ср.: [Блок, 1965, с. 504]).

Возглавляя депутацию к Блоку никто иной, как Гумилев. «Хотя Блок нисколько не держался за свое председательство, все же провал не мог не оскорбить его. Но он и вида не показал, что оскорблен, – рассказывала И. Одоевцева со слов Г. Иванова. – Когда новое правление во главе с председателем Гумилевым и секретарем Георгием Ивановым отправилось к нему с визитом, Блок не только любезно принял его, но нашел нужным „отдать визит“, посетив одну из пятниц, устраиваемых Союзом на Литейном» [Одоевцева, 1967, с. 143]. Другая участница этого похода, Мария Шкапская, посвятила явлению пятнадцати поэтов и их уговорам Блока стихотворный пастиш «Блок Александр (Опера)»:

Эпиграфы

«Ба, знакомые всё лица»

«Не верь, не верь себе, мечтатель молодой»

«Измены нет, любовь одна»

«Остерегайтесь грушикообразных»

I

Хор поэтов

(на мотив «Дети, в школу собирайтесь»)

Жили-были мы с папашей,

И не ведали мы бед.

Был папашей милым нашим

Александр Блок, поэт.

Встанет утром спозаранку,

Приготовить надо бланку

Да бумажки подписать.

Вместо чаю пьет чернила,

⁴¹ Два дня спустя «7 октября был устроен вечер “Журнала Дома Искусств” при участии Александра Блока (статья “Король Лир”), Евг. Замятина (рассказ “Детская”), Алексея Ремизова (“О человеке, свинье и звездах” <sic!>), К.И. Чуковского (“Неизвестные страницы Достоевского”) и Мих. Слонимского (“Искусство на Западе”))» (Дом Искусств // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 70). «Чит<ал> ст<атью> о Короле Лире на вечере журнала “Дом Искусств”», – отметил Блок в записной книжке [ЗК-61, л. 22 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 504]). На этом вечере также побывал Гумилев, который пришел в «Диск» из Дома литераторов. «Мамаша отправилась за дровами, – записал 7 октября в дневнике М. Кузмин. – Мы подождали и пошли в Д<ом> Л<итераторов>. Там сидит Гумилев с мешком...» [Кузмин, Дневник, л. 319].

*На Союз все отдал силы,
Перестал стихи писать.
Но Союз неблагодарный
Вел себя пред ним бездарно,*

*Неприятности чинил.
И папаша оскорбленный
Об отставке непреклонной
На собраньи заявил.*

II

Ария Блока

*Последний нонешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья,
И завтра рано чуть светочек
Союзная взрвет семья.
Заплачут Берман и Евгеньев,
Ауслендер, Аренс и Крючков,*

*Грушко завоюет в исступленьи,
О, что за музыка без слов!
Автомобили подкатали,
Лариса мне в окно стучит.
И вот я в новый путь готовый,
Союз весь замертво лежит.*

III

Хор поэтов

(жалобно, Блоку)

(на мотив «Горел, горел пожар московский»)

*О, на кого нас покидаешь
Ты на заре прекрасных дней
И Гумилёву обрека-а-ешь
Своих беспомощных детей.*

*Он нас сурово обуча-а-ет,
За нами зорко он следит,
Примерной жизни науча-а-ет,
Стихи писать весь день велит.*

IV

Серенада Оцуа под окном на Пряжке

(на мотив «Канарейка желтый хвост на ветке сидела»)

*У Старкова был в шкафу
Соусник прекрасный,
Но матрос его украл,
О, Старков несчастный!
Но немедля мы с Грушко
Суд свой учинили,*

*И Старкову сей сосуд
Сразу возвратили.
О, поверьте, папа, нам,
Мы не готтенготы!
Не допустим мы до Вас
Никакой заботы.*

V

Ария Гумилёва

(на мотив «Выше качайтесь, качели»)

*Об отставке, глупец, не мечтай,
Мое общество счастьем считай*

(В сторону Блока, грозно)

*Ставьте строчки стройно в ряд, стройно в ряд, стройно в ряд,
Мой не дремлет зоркий взгляд, зоркий взгляд, зоркий взгляд.*

VI

Хор поэтов, переодетых пилигримами на лестнице на Пряжке

В открытую дверь виднеется грот Венеры

(на мотив из «Тангейзера»)

*Моя вечерняя звезда,
Ты закатилась навсегда...*

(дальше им мешают продолжать рыдания)

Занавес

Эпилог

Дуэт Блока и Павлович

(на мотив из «Пиковой Дамы» «Мой миленький дружок»)

Она

(тревожно-вопросительно)

*Мой миленький дружок,
Смотри, сдержи зарок,
Их не поддайся рёву,
Не сдайся Гумилёву.*

Он

(угрюмо-сконфуженно)

*Мой маленький дружок,
Я не сдержал зарок.
Поддался я их рёву
И сдался Гумилёву⁴²»*

[Блок в переписке,
1982, с. 507–508]

«Я пробовал уйти из Союза поэтов, – писал Блок 18 октября Н. Нолле-Коган, – но меня упростили остаться. Здесь очень много скандалов и сплетен, напишите про каких-нибудь московских» [Блок, Нолле-Коган, 1981, с. 346]. Несмотря на «союзные» пертурбации, его отношения с Гумилевым особо не пострадали и продолжали оставаться уважительно отстраненными. 3 ноября Блок надписал свою новую, вышедшую незадолго до того книгу «Седое утро» (Пб., 1920): «Дорогому Николаю Степановичу Гумилеву с приветом. Ал. Блок» [Дарственные надписи Блока, 1982, с. 57].

Первый вечер Союза поэтов при новом правлении был назначен на четверг, 21 октября⁴³. Местом его проведения был выбран союзный

⁴² Как замечают комментаторы, здесь «упоминаются члены Союза поэтов Л. Берман, Б. Евгеньев, С. Нельдихен-Ауслендер, В. Аренс, Д. Крючков, Н. Грушко, Н. Окуп, а также Л. Рейснер и ее автомобильные прогулки с Блоком (ср. ЗК, 499, 500)» [Блок в переписке, 1982, с. 508].

⁴³ См. дневниковую запись 21 октября 1920 г. Марии Рыжкиной (1898–1984), участницы переводческой студии Михаила Лозинского: «Мих<аил> Леон<идович> не будет бывать у нас по четвергам, так как Союз поэтов устроил свои четверги, и, конечно, он будет там, у нас же (лозинят) вероятно будет “малое эрмитажное собрание” по вторникам» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 386]. См. также ее lamentации в записи 20 декабря: «Поэт – как же. Гумилев прозвище мое (Памбэ. – А.У.) знает и на улице кланяется, с Блоком как-то раз за руку поздоровалась, с Чуковским при встрече целуюсь, Лозинский в доме бывает и полуименем зовет, но они будут уходить втроем (М. Л<озинский>, А. О<ношкович-Яцына> и Рая (Раиса Блох. – А.У.)) или вдвоем в Союз, а я буду плавать в студийной бездарной тине...» [Там же, 1993, с. 391].

клуб, где прежде уже проходили совещания – 3 сентября Блок отметил в записной книжке: «7 час. веч<ера> – презид<иум> Союза в нов<ом> помещении (Литейный 30, кв. 7)» [ЗК-61, л. 20] (ср.: [Блок, 1965, с. 500]), – но чтения до сих пор не устраивались. «Спешно ремонтируется клуб Союза поэтов (проспект Володарского, б. Литейный, 30), – сообщала газетная хроника в середине сентября. – Открытие последует в непродолжительном времени»⁴⁴ (ЖИ. 1920. № 556. 14 сентября. С. 2). По этому поводу Блоку 15 сентября написала Павлович:

Александр Александрович, да будет Вам известно, что I<-е> (интимное) открытие Клуба состоится завтра, на него Рожд<ественский> и разослал повестки, и мы оба вечером забыли об этом.

Мне и хочется, и не хочется, чтоб Вы были; не хочется потому, что я плохо себе представляю, как завтра все будет и боюсь, что сначала ничего не будет выходить, а тогда с Вами не будет сладу, и Вы сократите обещанный безропотный срок. А если этой опасности мне и Союзу не угрожает, то, конечно, хочу, чтобы Вы были.

Над. Павлович

Начало в 8. Написано нескладно, но все равно привет маме и Л<юбови> Д<митриевне> [Павлович, Письма, л. 10] (ср.: [Гончарова, 2011, с. 288]).

«“Интимное” открытие Клуба С<оюза> П<оэтов> в 8 часов вечера, – отметил Блок это событие 16 сентября. – Тошно, скучно. Злюсь на Павлович за курсыничество <sic!> и беспомощность»⁴⁵ [ЗК-61, л. 21] (ср.: [Блок, 1965, с. 502]). Оставив ремарку в записной книжке 21 октября: «В Союз поэтов в 9 час. веч<ера> – оч<е>нь замечательно (см. дневник)» [ЗК-61, л. 23 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 505].), – свои впечатления от вечера в союзном клубе он решил доверить дневнику:

⁴⁴ Ср.: «В дальнейшем Союз Поэтов предполагает расширить деятельность и открыть для гостей двери своего клуба (Литейный, 30), где в настоящее время по четвергам происходят оживленные интимные собрания – чтения стихов и обмен мнений» (Союз Поэтов // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 74).

⁴⁵ Тогда же Блок записал: «† С.А. Венгеров. Печаль Летнего Сада, он сохранил свое величие среди измельчения всего»; ср. в письме А. Кублицкой-Пиотух к М. Бекетовой 18 сентября: «Умер Семён Афанасьевич Венгеров» [Блок в переписке, 1982, с. 510]. «10 октября Дом Искусств устроил вечер памяти проф. С.А. Венгерова, – было отмечено в хронике. – На вечере этом произнесли речи С.Ф. Ольденбург, Б.М. Энгельгардт, Ю.Н. Тынянов, Н.О. Лернер и дочь покойного Е.С. Венгерова» (Дом Искусств // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 70). «Сбор с вечера, посвященного памяти проф. С.А. Венгерова, состоявшегося 1 октября в Доме Искусств, целиком поступил в фонд памятника С.А. Венгерову» (ЖИ. 1920. № 586. 19 октября. С. 1).

Вечер в клубе поэтов на Литейной 21 октября – первый после того, как выперли Павлович, Шкапскую, Оцупа, Сюннерберга и Рождественского и просили меня остаться.

Мое самочувствие совершенно другое. Никто не пристаёт с бумагами и властью.

Верховодит Гумилев – довольно интересно и искусно. Акмеисты, чувствуется, в некотором заговоре, у них особое друг с другом обращение.

Все под Гумилевым.

Гвоздь вечера – Я. Мандельштам <sic!>, который приехал, побывав во врангелевской тюрьме. Он очень вырос. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь, «жидочек» прячется, виден артист⁴⁶. Его стихи возникают из снов – очень своеобразных, лежащих в областях искусства только. Гумилев определяет его путь – от иррационального к рациональному (противупол<ожный> моему). Его «Венеция». По Гумилеву – рационально всё (и любовь, и влюбленность в т<ом> ч<исле>), иррациональное лежит только в языке, в его корнях, невыразимое (В начале было Слово, из Слова возникли мысли, слова, уже непохожие на Слово, но имеющие, однако, источником Его; и всё кончится Словом – всё исчезнет, останется одно Оно).

Пяст, топорщащийся в углах (мы не здороваемся по-прежнему). Анна Радлова невпопад вращает глазами. Грушко подшлепнутая. У Нади Павлович большие глаза от зубной боли. Она и Рождественский молчат. Крепкое впечатление производят одни акмеисты.

Одоевцева.

М. Лозинский перевел из Леконта де Лилля – Мухаммед Альмансур, погребенный в саване своих побед. Глыбы стихов высочайшей пробы. Гумилев считает его переводчиком выше Жуковского... [Дневник-1920, л. 4 об.-5 об.] (ср.: [Блок, 1928, с. 172–173; Блок, 1963, с. 371]).

«С Надей Павлович дело наладилось, – писала А. Кублицкая-Пиотух М. Бекетовой 22 октября. – <...> Союз поэтов ее выкурил вместе с Марусей Шкапской. Саша был вчера на Литейной в их клубе. Остался доволен. К нему не пристаёт ни с чем. Делают всё Кузмин и Гумилев. А он, по-видимому, только ради имени» [Блок в переписке, 1982, с. 512]. Тогда же администрация Дома литераторов предложила

⁴⁶ На купуру блоковской характеристики О. Мандельштама впервые указала его вдова [Мандельштам, 1972, с. 378]; ср.: [Ronen, 1983, с. 308].

выступить в Москве Гумилеву и Кузмину, который отметил в дневнике: «21 октября. <...> Побегал еще в Д<ом> Л<итераторов>. Предлагают съездить в Москву с Гумилевым. Взял бумаги, но денег не было⁴⁷...» [Кузмин, Дневник, л. 336].

Подробные рассказы об этом вечере написали и Одоевцева, специально отмеченная в дневниковой записи Блока, и Павлович. «5 октября открылся клуб поэтов, – вспоминала она. – Мы получили помещение на Литейном, в бывшем доме Мурузи. Наиболее интересен был вечер, на котором впервые после своего возвращения в Петроград выступал О.Э. Мандельштам. Он привез прекрасные стихи, и Блок слушал его с большим интересом, особенно его стихи о Венеции, напомнившие Александру Александровичу собственные венецианские впечатления⁴⁸» [Павлович, 1964, с. 472]. Как и Павлович, Одоевцева указала, что вечер Союза поэтов (в ее рассказе – «собрание клуба поэтов») состоялся «в доме Мурузи на Литейном» [Одоевцева, 1967, с. 279].

На самом деле клуб Союза поэтов открылся по этому адресу только летом 1921 г. «Всероссийский Союз Поэтов (Петербургское Отделение) получил разрешение на открытие “Клуба Поэтов”, – сообщалось в хронике. – Клуб будет помещаться в помещении <sic> Союза Поэтов (угол Литейного и Спасской, дом быв. Мурузи). Открытие предположительно назначено на 1-е июля» (ЖИ. 1921. №№ 761–762–763. 25–28 июня. С. 2). Начало работы неоднократно откладывалась из-за личных неурядиц между организаторами клуба. Так, А. Беленсон даже выступил с обращением в «Жизни Искусства»: «Довожу до сведения членов Всероссийского Союза Поэтов и других деятелей искусства о том, что я вышел из состава Комитета по организации “Клуба Поэтов” и отказался от заведывания художественной частью означенного клуба» [Беленсон, 1921].

Путаница двух адресов была также поддержана неверным прочтением записи Блока об устроенном Союзом поэтов 9 декабря вечере памяти Афанасия Фета: «Союз поэтов в доме литер<аторов> – гов<орят> о Фете. Не пойду» [ЗК-61, л. 27]. При публикации этот фрагмент был напечатан как «Союз поэтов в доме Мурузи», тем самым переместив

⁴⁷ Они выехали в Москву 31 октября и пробыли там до 3 ноября. Из Москвы Гумилев отправился в Бежецк и около 7 ноября вернулся в Петроград.

⁴⁸ Стихотворение «Венецианская жизнь» (1920) произвело впечатление также на актрису Ольгу Арбенину. «Очень понравилась мне и “Венеция” – после блоковской и кузминской – эта была “черная”, как я и думала, – писала она о строчках “Черным бархатом завешанная плаха / И прекрасное лицо...”, вспоминая Мандельштама. – Не знаю, в каких словах я сумела ему это выразить, – по-видимому, он был очарован, – но, сколько я помню, день был будничный, и я не была ни нарядной, ни красивой» [Гильденбрандт-Арбенина, 2007, с. 159].

место действия с д. 11 Бассейной улицы на д. 24 проспекта Володарского (б. Литейного) [Блок, 1965, с. 509]. Точно так же и вечер был перенесен в памяти мемуаристок в дом Мурузи из почти соседнего д. 30, где клуб Союза поэтов был тогда только приоткрыт⁴⁹.

По иронии судьбы вечер 21 октября оказался последним совместным выступлением Блока и Гумилева под эгидой Союза поэтов. После случившейся рокировки Блок избегал присутствия в совещаниях правления. Несмотря на то, что он принял участие в следующем вечере Союза поэтов, устроенном в форме «живого альманаха» в Доме литераторов, он разочаровался в перспективах этой литературной организации. «Сильный мороз. Читать в Доме литераторов (“X-ый альманах”)! Идиотство»⁵⁰, – отметил он 28 октября в записной книжке [ЗК-61, л. 24] (ср.: [Блок, 1965, с. 505]).

Завершающим проектом Гумилева в Союзе поэтов можно считать подготовку им союзного альманаха. «В конце декабря выходит в свет издаваемый Всероссийским Союзом поэтов литературный альманах “Дракон”, – сообщала газетная хроника. – В альманахе будут напечатаны стихи Валерия Брюсова, Александра Блока, Н. Гумилева, М. Кузмина, Федора Сологуба и др., поэмы Н. Гумилева, Ирины Одоевцевой, Сергея Ауслендер-Нельдихена и Николая Оцупа; статьи Андрея Белого, Н. Гумилева и Оскара <sic> Мандельштама» (ЖИ. 1920. №№ 632–633. 15–16 декабря. С. 1).

«Дракон» вышел весной 1921 г. и, несмотря на участие Блока⁵¹, вызвал противоречивые отклики. «Вышел сборник новых поэтов “Дракон” (у меня еще нет), – сообщал Георгий Блок в письме 7/23 июля к Борису Садовскому. – Самое удивительное, что там поэты расположены по алфавиту: Адамович, Блок, и т.д. Этого еще не приходилось

⁴⁹ Ср.: «В дальнейшем Союз Поэтов предполагает расширить деятельность и открыть для гостей двери своего клуба (Литейный, 30), где в настоящее время по четвергам происходят оживленные интимные собрания – чтения стихов и обмен мнений» (Союз Поэтов // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 74).

⁵⁰ См. анонс: «28 октября – “Альманах Дома Литераторов”, № 10 (Н. Лернер, А. Радлова, А. Кугель, А. Ремизов и А. Блок)» (ЖИ. 1920. № 589. 22 октября. С. 1). Валериян Чудовский писал в отчете об этом вечере: «Формальная оправданность глубокого внутреннего опыта, из коего лишь насквозь проплавленными, без всякой случайности, выливаются всегда простые образы, приемы и слова. Таков – как некогда у Боратынского – склад творчества Анны Радловой, и еще, хоть и совсем иначе у (читавшего в тот же вечер) Ал. Блока последних годов» [Чудовский, 1920].

⁵¹ Блок передал Гумилеву стихотворения для альманаха еще весной. «Гумилеву для альманаха 26 III 2 ст<ихотворен>ия: “Сфинкс” и „Смолкали и говор и шутки“ – 32 строки (оба – в кн<иге> “За гр<анью> прошл<ых> дней”)), – отметил он в записной книжке [ЗК-61, л. 5 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 489]). См. перепечатку из «Дракона» стихотворения «Сфинкс» (Время (Берлин). 1921. № 156. 27 июня. С. 3).

видеть – до чего переругались, значит» [Блок в переписке, 1982, с. 529]. «В “Драконе” есть еще стихи Блока, Зенкевича; изящное стихотворение Кузмина; статья Андрея Белого – “Отрывки из глоссолоалии”, – отмечал рецензент разнообразие участников сборника. – <...> Разноцветный дракон может быть доволен разноцветным “Драконом”. Его память не оскорблена»⁵² [Слонимский, 1921, с. 2].

В то же время Сергей Бобров подчеркнул в своем отзыве, что сборник получился «очень петербургский, с акмеистическим „умонаклонением“» [Бобров, 1921], тем самым угадав, что «Дракон» состоялся не столько как альманах Союза поэтов, сколько как сборник воссозданного Гумилевым нового «Цеха Поэтов», в деятельности которого приняли участие М. Лозинский, Г. Иванов, И. Одоевцева, Н. Оцуп, Б. Евгеньев, Г. Адамович, Вл. Пяст, С. Нельдихен, Вс. Рождественский. Еще один «цеховой» поэт Владислав Ходасевич с необходимым драматизмом рассказал о дальнейшей судьбе Союза поэтов в воспоминаниях «Гумилев и Блок»:

Однажды ночью пришел ко мне Мандельштам и сообщил, что «блоковское» правление Союза час тому назад свергнуто и заменено другим, в состав которого вошли исключительно члены «Цеха», в том числе я. <...> Все это мне не понравилось, и я сказал, что напрасно меня выбрали, меня не спросив. Мандельштам стал меня уговаривать «не подымать истории», чтобы не обижать Гумилева. Из его слов я понял, что «перевыборы» были подстроены некоторыми членами «Цеха», которым надобно было завладеть печатью Союза, чтобы при помощи ее обделывать дела мошеннического и коммерческого свойства. Для этого они и прикрылись именем и положением Гумилева. Гумилева же, как ребенка, соблазнили титулом председателя. Кончилось тем, что я пообещал формально из правления не выходить, но фактически не участвовал ни в его заседаниях, ни вообще в делах Союза. Это-то и толкнуло меня на выход из «Цеха».

Блок своим председательством в Союзе, разумеется, не дорожил. Но ему не понравились явно подстроенные выборы, и он был недоволен тем, что отныне литературное влияние Гумилева будет подкреплено нажимом со стороны союзного правления. И Блок решился выйти из неподвижности.

Как раз в это время удалось получить разрешение на издание еженедельника под названием «Литературная газета». В редакцию вошли А.Н. Тихонов, Е.И. Замятин и К.И. Чуковский. Для первого номера

⁵² Ср. в отзыве Георгия Иванова: «На 80 страницах вышедшего в марте 1921 г. альманаха “Дракон”, разумеется, слишком тесно 14 его участникам» [Иванов, 1922, с. 96–97].

Блок дал статью, направленную против Гумилева и «Цеха». Называлась она «Без божества, без вдохновенья». «Литературная газета»⁵³ прекратила существование раньше, чем начала выходить: за рассказ Замятина и мою передовицу номер был конфискован еще в типографии по распоряжению Зиновьева. Статью Блока я прочел лишь много лет спустя, в собрании его сочинений. Признаться, она мне кажется очень вялой и туманной, как многие статьи Блока. Но в ту пору ходили слухи, что она очень резка. В одну из тогдашних встреч Блок и сам говорил мне то же [Ходасевич, 1997, с. 88–89].

Библиографический список / References

- Адамович, 1960 – Адамович Г. Наши поэты. II. Ирина Одоевцева // Новый Журнал (Нью-Йорк). 1960. Кн. 61. С. 147–153. [Adamovich G. Our poets. II. Irina Odoevtseva. *Novyi Zhurnal* (New York). 1960. Vol. 61. Pp. 147–153. (In Russ.)]
- Асафьев, 1920 – Глебов И. <Асафьев Б.>. Музыка в творчестве М.А. Кузмина // Жизнь искусства. № 580. 12 октября. С. 1. [Glebov I. <Asafyev B.>. Music in the works of M.A. Kuzmin. *Zhizn' Iskusstva*. No. 580. October 12. P. 1. (In Russ.)]
- Беленсон, 1921 – Беленсон А. Письмо в редакцию // Жизнь искусства. 1921. № 773–774–775. 9–11 июля. С. 2. [Belenson A. A Letter to the Editor. *Zhizn' Iskusstva*. 1921. No. 773–774–775. July 9–11. P. 2. (In Russ.)]
- Беленсон, 1922 – Беленсон А. Врата тесные. Пг., 1922. [Belenson A. *Vrata tesnye* [Close gate]. Petrograd, 1922.]
- Белый, 2016 – Белый А. Ракурс к дневнику. Материал к биографии (составлен для личного пользования) // Андрей Белый. Автобиографические своды / Сост. А. Лавров и Дж. Малмстад (Литературное наследство. Т. 105). М., 2016. С. 329–654. [Bely A. A perspective to the diary. Material for the biography (compiled for personal use). *Andrey Bely. Autobiographical codices*. A. Lavrov, J. Malmstad (eds.). (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 105). Moscow, 2016. Pp. 329–654. (In Russ.)]
- Блок, 1928 – Дневник Ал. Блока, 1917–1921 / Под ред. П. Медведева. Л., 1928. [Dnevnik Al. Bloka, 1917–1921 [Alexander Blok's diary, 1917–1921]. P. Medvedev (ed.). Leningrad, 1928.]
- Блок, 1963 – Блок А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7: Автобиография 1915. Дневники 1901–1921 / Подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. М.; Л., 1963. [Blok A. *Sobranie sochineniy v 8 t.* [Collected works in 8 vols.] Vol. 7: *Autobiography 1915. Diaries 1901–1921*. Vl. Orlov (ed., notes). Moscow; Leningrad, 1963.]
- Блок, 1965 – Блок А. Записные книжки, 1901–1920 / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М., 1965. [Blok A. *Zapisnye knizhki, 1901–1920* [Notebooks, 1901–1920]. Vl. Orlov (ed., notes). Moscow, 1965.]
- Блок, 1999 – Блок А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. V: Стихотворения и поэмы (1917–1921). М., 1999. [Blok A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t.* [Complete works and letters in 20 vols.]. Vol. V: *Lyrical and narrative poems (1917–1921)*. Moscow, 1999.]

⁵³ О «Литературной Газете» и напечатанных там передовой статье Ходасевича «Памяти предка» и очерке Замятина «Пора» см.: [Устинов, Сажин, 1991].

Блок, Городецкие, 1981 – Блок А. Переписка с А.А. и С.М. Городецкими / Вступ. ст. и публ. В. Енишерлова. Комментар. В. Енишерлова и Р. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1981. С. 5–62. [Blok A. Correspondence with A.A. and S.M. Gorodetsky. Introduction by V. Enisherlov. Commentary by V. Enisherlov and R. Tymenchik. *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya*. Book 2. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1981. Pp. 5–62. (In Russ.)]

Блок, Нолле-Коган, 1981 – Письма Блока к Н.А. Нолле-Коган и воспоминания Н.А. Нолле-Коган о Блоке (1913–1921) / Вступ. ст., публ. и коммент. Л. Кувановой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. (Литературное наследство. Т. 92). С. 324–365. [Blok's letters to N.A. Nolle-Kogan and N.A. Nolle-Cogan's memories of Blok (1913–1921). Introduction and commentary by L. Kuvanova. *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya*. Book 2. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1981. Pp. 324–365.]

Блок, Ремизов, 1981 – Блок А. Переписка с А.М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. ст. З. Минц. Публ. и коммент. А. Юловой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1981. С. 63–142. [Blok A. Correspondence with A.M. Remizov (1905–1920). Introduction by Z. Mints. Ed., with a commentary, by A. Yulova. *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya*. Book 2. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1981. Pp. 63–142. (In Russ.)]

Блок в переписке, 1982 – Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступ. ст. Н. Котрелева и З. Минц // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1982. С. 153–539. [Blok in unpublished correspondence and diaries of his contemporaries (1898–1921). Introduction by N. Kotrelev and Z. Mints. *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya*. Book 3. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1982. Pp. 153–539.]

Бобров, 1921 – Бобров С. <Рец.> «Дракон» // Печать и революция. 1921. Кн. 2 (август–октябрь). С. 206. [Bobrov S. Review of “Drakon”. *Pechat i revolyutsiya*. 1921. Vol. 2 (August–October). P. 206. (In Russ.)]

Брюсов, 1976 – Брюсов В. Пятилетие Союза поэтов / Публ. К. Суворовой // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 232–235. [Bryusov V. The Fifth anniversary of the Union of Poets. Ed. by K. Suvorova // *Valery Bryusov*. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 85). Moscow, 1976. Pp. 232–235. (In Russ.)]

Галушкин, 2005 – Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А. Галушкин. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград, 1917–1920 гг.; Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград, 1921–1922 гг. М., 2005. [Literaturnaya zhizn Rossii 1920-kh godov. Sobytiya. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiya [The literary life of Russia in the 1920s. Events. Contemporary responses. Bibliography]. A. Galushkin (ed.). Vol. 1. Part 1. Moscow and Petrograd. 1917–1920; Vol. 1. Part 2. Moscow and Petrograd, 1921–1922. Moscow, 2005.]

Гильденбрандт-Арбенина, 2007 – Гильденбрандт-Арбенина О. Девочка, катящая серсо...: Мемуарные записи. Дневники / Сост. А. Дмитренко. М., 2007. [Guildenbrandt-Arbenina O. Devochka, katyashchaya serseo...: Memuarnye zapisi. Dnevniky [A Girl rolling a cerceau...: Memoirs. Diaries]. A. Dmitrenko (ed.). Moscow, 2007.]

Голлербах, 1920 – Голлербах Э. Юбилейный вечер М.А. Кузмина // Жизнь Искусства. 1920. № 574. 5 октября. С. 2. [Gollerbakh E. M.A. Kuzmin's Anniversary evening. *Zhizn' Iskusstva*. 1920. № 574. October 5. P. 2. (In Russ.)]

Гончарова, 2011 – Гончарова Е. «Запомнить всё, отметить и сберечь...» (Надежда Павлович об Александре Блоке) // Александр Блок: Исследования и материалы. [Вып. 4]. СПб., 2011. С. 276–308 [Goncharova E. "Remember everything, make notes and preserve..." (Nadezhda Pavlovich about Alexander Blok). *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy*. Vol. 4. St. Petersburg, 2011. Pp. 276–308. (In Russ.)]

Городецкий, 1920а – Городецкий С. Покойнички // Красная газета (Петроград). 1920. № 175. 8 августа. С. 3. [Gorodetsky S. The dead ones. *Krasnaya Gazeta* (Petrograd). 1920. № 175. August 8. P. 3. (In Russ.)]

Городецкий, 1920б – Городецкий С. Разложение интеллигенции // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. 12 августа. № 178 (670). С. 1. [Gorodetsky S. Degradation of the intelligentsia. *Izvestiya Petrogradskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 1920. August 12. № 178 (670). P. 1. (In Russ.)]

Городецкий, 1920в – Городецкий С. Литература и революция // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. 17 августа. № 182 (674). С. 2. [Gorodetsky S. Literature and revolution. *Izvestiya Petrogradskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 1920. August 17. № 182 (674). P. 2. (In Russ.)]

Городецкий, 1921 – Городецкий С. Александр Блок, 1880–1921 // Искусство (Баку). 1921. № 2–3. С. 58. [Gorodetsky S. Alexander Blok, 1880–1921. *Iskusstvo* (Baku). 1921. № 2–3. С. 58. (In Russ.)]

Городецкий, 1922 – Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке // Печать и революция (Москва). 1922. Кн. 1 (январь–март). С. 75–88. [Gorodetsky S. Memoirs of Alexander Blok. *Pechat' i revolyutsiya* (Moscow). 1922. Vol. 1 (January–March). Pp. 75–88. (In Russ.)]

Городецкий, 1923 – Городецкий С. Литература и мещанство // Жизнь искусства. 1923. № 12 (887). 27 марта. С. 5–6. [Gorodetsky S. Literature and philistinism. *Zhizn' Iskusstva*. 1923. No. 12 (887). March 27. Pp. 5–6. (In Russ.)]

Городецкий, 1966 – Городецкий С. Стихи. М., 1966. [Gorodetsky S. *Stikhi* [Poems]. Moscow, 1966.]

Городецкий, 1969 – Автобиография С.М. Городецкого / Публ. Н. Такташевой // Русская литература. 1969. № 3. С. 186–190. [S.M. Gorodetsky's autobiography. Ed. by N. Taktasheva. *Russkaya literatura*. 1969. № 3. Pp. 186–190. (In Russ.)]

Гумилев, 1988 – Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. [Gumilev N. *Stikhotvoreniya i poemy* [Lyrical and narrative poems]. Leningrad, 1988.]

Гумилев, 1991 – Гумилев Н. Сочинения в 3 т. Т. 3. М., 1991. [Gumilev N. *Sochineniya v 3 t.* [Works in 3 vols]. Vol. 3. Moscow, 1991.]

Грошиков, 1920 – Гр[ошиков] Ф. Пришедший с «того» берега... (Поэт Городецкий в доме Лассалы) // Красная газета (Петроград). 1920. № 173. 6 августа. С. 4. [Groshikov F. The one who came from "that" shore... (Poet Gorodetsky in the house of Lassalle). *Krasnaya Gazeta* (Petrograd). 1920. № 173. August 6. P. 4. (In Russ.)]

Дарственные надписи Блока, 1982 – Дарственные надписи Блока на книги и фотографиях / Вступ. ст. и публ. В. Мордерер и А. Парниса // Александр Блок.

Новые материалы и исследования. Кн. 3. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1982. С. 5–152. [Blok's inscriptions on books and photographs. Introduction by V. Morderer and A. Parnis. *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya*. Book 3. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1982. Pp. 5–152. (In Russ.)]

Дневник-20 – Блок А. Дневник. Лето 1920 – 1921 г. февраль // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 654. Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт. Оп. 1. Ед. хр. 319. URL: <http://blok.literature-archive.ru/ru/content/dnevnik-1920-1921-gg> (дата обращения: 06.06.2020). [Blok A. Dnevnik. Leto 1920 – 1921 g. fevral [Alexander Blok. Diary. Summer 1920 – 1921 February]. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences. Fund 654. Inventory 1. No. 319. URL: <http://blok.literature-archive.ru/ru/content/dnevnik-1920-1921-gg>]

Жирмунский, 1920 – Жирмунский В. Поэзия Кузмина // Жизнь искусства. 1920. № 576. 7 октября. С. 1. [Zhirmunsky V. Kuzmin's poetry. *Zhizn' iskusstva*. 1920. No. 576. October 7. P. 1. (In Russ.)]

Зобнин и др., 1991 – Жизнь Николая Гумилева / Сост. Ю. Зобнин, В. Петрановский, А. Станюкович. Л., 1991. [Zhizn Nikolaya Gumileva [The Life of Nikolai Gumilev]. Yu. Zobnin, V. Petranovsky, A. Stanyukovich (eds.). Leningrad, 1991.]

ЗК-61 – Блок А. Записная книжка № 61. 1920 г. // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 654. Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт. Оп. 1. Ед. хр. 367. URL: <http://blok.literature-archive.ru/ru/content/zapisnaya-knizhka-no-61> (дата обращения: 06.06.2020). [Alexander Blok. Notebook No. 61. 1920. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences. Fund 654. Inventory 1. No. 367. URL: <http://blok.literature-archive.ru/ru/content/zapisnaya-knizhka-no-61>]

Иванов, 1922 – Иванов Г. О новых стихах // Дом Искусств. 1921 <1922>. № 2. С. 96–99. [Ivanov G. On new poems. *Dom Iskusstv*. 1921 <1922>. № 2. Pp. 96–99. (In Russ.)]

Иванов, 1928 – Иванов Г. Петербургские зимы. Париж, 1928. [Ivanov G. Petersburgskie zimy [Petersburg winters]. Paris, 1928.]

Конечный и др., 1989 – Артистическое кабаре «Привал комедиантов» / Конечный А., Мордерер В., Парнис А., Тименчик Р. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 96–154. [Konechny A., Morderer V., Parnis A., Timenchik R. Artistic cabaret Comedians' Halt. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik*. 1988. Moscow, 1989. Pp. 96–154. (In Russ.)]

Кузмин, 1981 – Письма М.А. Кузмина к Блоку и отрывки из дневника М.А. Кузмина / Предисл. и публ. К. Суворовой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1981. С. 143–174. [M.A. Kuzmin's letters to Blok and excerpts from M.A. Kuzmin's diary. Foreword by K. Suvorova. *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya*. Book 2. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1981. Pp. 143–174. (In Russ.)]

Кузмин, Дневник – Кузмин М. Дневник X. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 232: Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) – поэт, беллетрист, переводчик. Оп. 1. Ед. хр. 58. [Kuzmin M.A. Dnevnik X [Diary X]. Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 232. Inventory 1. No. 58.]

Линдеберг, 2011 – Линдеберг О. Некоторые вопросы издания записных книжек Блока в составе академического Полного собрания сочинений

и писем // Александр Блок: Исследования и материалы. [Вып. 4]. СПб., 2011. С. 241–256. [Lindeberg O. Some issues of the publication of Blok's notebooks as part of the academic Complete Works and Letters. *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy*. Vol. 4. St. Petersburg, 2011. Pp. 241–256. (In Russ.)]

Лукницкий, 2010 – Лукницкий П. Труды и дни Н.С. Гумилева / Под общ. ред. Ю. Зобнина. СПб., 2010. [Luknitsky P. Trudy i dni N.S. Gumileva [The works and days of Nikolai Gumilev]. Yu. Zobnin (ed.). St. Petersburg, 2010.]

Лурье, 1923 – Лурье В. Маленькая столовая напротив кухни // Дни (Берлин). 1923. № 190. 17 июня. С. 9. [Lurie V. Small dining room opposite the kitchen. *Dni* (Berlin). 1923. № 190. June 17. P. 9. (In Russ.)]

Магомедова, 2009 – Магомедова Д. Что является текстом записных книжек А. Блока? // Текстологический временник: Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 518–541. [Magomedova D. What is the text of A. Blok's notebooks? *Tekstologicheskii vremennik: Russkaya literatura XX veka. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya*. M., 2009. Pp. 518–541. (In Russ.)]

Мандельштам, 1972 – Мандельштам Н. Вторая книга. Paris, 1972. [Mandelstam N. Вторая книга [Second book]. Paris, 1972.]

Нельдихен, 2013 – Нельдихен С. Органное многоголосье / Вступ. ст. Д. Давыдова; Сост., подгот. текста, примеч. и подбор илл. М. Амелина. М., 2013. [Nel'dikhen S. Organnoe mnogogolose [Organ polyphony]. D. Davydov (introduction); M. Amelin (ed., notes). Moscow, 2013.]

Одоевцева, 1963 – Одоевцева И. На берегах Невы // Новый Журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 74. С. 136–155. [Odoevtseva I. On the banks of the Neva. *Novyi Zhurnal* (New York). 1963. Vol. 74. Pp. 136–155. (In Russ.)]

Одоевцева, 1967 – Одоевцева И. На берегах Невы. Вашингтон, 1967. [Odoevtseva I. Na beregakh Nevy [On the banks of the Neva]. Washington, D.C., 1967.]

Оксенов, 1923 – Оксенов И. <Рец.:> А. Беленсон. «Врата тесные» // Книга и революция (Петроград). 1923. № 11–12 (23–24). С. 61–62. [Oksenov I. Review of: A. Belenson. “Vrata tesnye”. *Kniga i revolyutsiya* (Petrograd). 1923. No. 11–12 (23–24). Pp. 61–62. (In Russ.)]

Оношкович-Яцына, 1993 – Оношкович-Яцына А. Дневник, 1919–1927 / Публ. Н. Телетовой // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб., 1993. С. 355–456. [Onoshkovich-Yatsyna A. Diary, 1919–1927. Ed. by N. Teletova. *Minuvshnee: Istoricheskii al'manakh*. 13. Moscow; St. Petersburg, 1993. Pp. 355–456. (In Russ.)]

Оцуп, 1920 – Оцуп Н. Вечер Н. Гумилева. (Дом Искусств) // Жизнь Искусства. 1920. № 523. 6 августа. С. 1. [Otsup N. Poetry evening by N. Gumilev. (House of Arts). *Zhizn' Iskusstva*. 1920. № 523. August 6. P. 1. (In Russ.)]

Оцуп, 1927 – Оцуп Н. А.А. Блок. (Из личных воспоминаний) // Сегодня (Рига). 1927. 14 августа. № 180. С. 4. [Otsup N. A.A. Blok. (From personal memories). *Segodnia* (Riga). 1927. August 14. № 180. P. 4. (In Russ.)]

Павлович, Письма – Павлович Н. Письмо А.А. Блоку от 15 сентября 1920 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 55. Блок Александр Александрович (1880–1921) – поэт. Оп. 1. Раздел 4. Письма А.А. Блоку. Ед. хр. 356. Письма Павлович Надежды Алексеевны. Л. 10. [Pavlovich N. Pismo A.A. Bloku ot 15 sentyabrya 1920 g. [Letter A.A. Block of September 15, 1920]. Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 55. Inventory 1. No. 356. Sheet 10.]

Павлович, 1962 – Павлович Н. Думы и воспоминания. М., 1962. [Pavlovich N. Dumy i vospominaniya [Thoughts and memories]. Moscow, 1962.]

Павлович, 1964 – Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке / Комментар. З. Минц и И. Чернова // Блоковский сборник (1): Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. С. 446–506. [Pavlovich N. Memories of Alexander Blok. *Blokovskiy sbornik (1): Trudy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy izucheniyu zhizni i tvorchestva A.A. Bloka, may 1962 g.* Tartu, 1964. Pp. 446–506. (In Russ.)]

Павлович, 1977 – Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке // Прометей. Историко-биографический альманах. Т. 11. М., 1977. С. 219–253. [Pavlovich N. Memories of Alexander Blok. *Prometey. Istoriko-biograficheskii al'manakh.* Vol. 11. Moscow, 1977. Pp. 219–253. (In Russ.)]

Петров-Водкин, 1991 – Петров-Водкин К. Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. ст. и коммент. Е. Селизаровой. М., 1991. [Petrov-Vodkin K. Pisma. Stati. Vystupleniya. Dokumenty [Letters. Articles. Speeches. Documents]. E. Selizarova (ed., introduction and commentary). Moscow, 1991.]

Перфильев, 1940 – Перфильев А. [Рец. на кн.] Третьяков В. Берег дальний: Стихи. Tallinn, 1940 // Для Вас. Еженедельный иллюстрированный журнал (Рига). 1940. № 23 (338). 2 июня. С. 20. [Perfil'yev A. [Review of] Tret'yakov V. Bereg dal'niy: Stikhi. Tallinn, 1940. *Dlya Vas. Ezhenedel'nyi illyustrirovannyi zhurnal* (Riga). 1940. № 23 (338). June 2. P. 20. (In Russ.)]

Радлова, 1920 – Радлова А. Вечер Александра Блока // Жизнь Искусства. 1920. № 520. 3 августа. С. 1. [Radlova A. Evening of Alexander Blok. *Zhizn' Iskusstva.* 1920. № 520. August 3. P. 1. (In Russ.)]

Рейснер, 1920 – Рейснер Л. О Петербурге // Красная газета (Петроград). 1920. № 162. 24 июля. С. 2. [Reisner L. On Petersburg. *Krasnaya gazeta* (Petrograd). 1920. № 162. July 24. P. 2. (In Russ.)]

Рождественская, Тименчик, 1987 – Блок и Союз поэтов: 1. Блок в архиве Вс.А. Рождественского / Предисл. и публ. М. Рождественской; Комментар. Р. Тименчика; 2. Озвывы, сохранившиеся в других архивах / Публ. Р. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1987. С. 684–695. [Blok and the Union of Poets: 1. Blok in the archive of Vs.A. Rozhdestvensky / Introduction by M. Rozhdestvenskaya. Commentary by R. Timenchik; 2. Reviews preserved in other archives / Ed. by R. Timenchik. *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya.* Book 4. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1987. Pp. 684–695. (In Russ.)]

Рождественский, 1966 – Рождественский Вс. Как это начиналось. Листки воспоминаний // День поэзии. 1966. Л., 1966. С. 87–90. [Rozhdestvensky Vs. How did it start? Pages of memoirs. *Den' poezii.* 1966. Leningrad, 1966. Pp. 87–90. (In Russ.)]

Слонимский, 1920 – Слонимский М. Вздутожилая поэзия. (На вечере поэтов) // Жизнь Искусства. 1920. № 586. 19 октября. С. 1. [Slonimsky M. Poetry with bloated veins. (At the poets' evening). *Zhizn' Iskusstva.* 1920. No. 586. October 19. P. 1. (In Russ.)]

Слонимский, 1921 – Сл<онимский> М. Дракон // Жизнь Искусства. 1921. № 688–689–690. 9–10–11 марта. С. 2. [Slonimsky M. The Dragon. *Zhizn' Iskusstva.* 1921. No. 688–689–690. March 9–10–11. P. 2. (In Russ.)]

Степанов, Устинов, 2011–2012 – Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев: Встречи в Париже в 1917–1918 годах (По материалам архивов Михаила

Ларионова и Глеба Струве) // Наше Наследие (Москва). 2011. № 100. С. 105–127; 2012. № 101. С. 102–129. [Stepanov E., Ustinov A. Nikolai Gumilev: Meetings in Paris in 1917–1918 (Using the materials from the archives of Mikhail Larionov and Gleb Struve). *Nashe Nasledie* (Moscow). 2011. No. 100. Pp. 105–127; 2012. No. 101. Pp. 102–129. (In Russ.)]

Стрельников, 1920 – Пушин Я. <Стрельников Н.>. Необходимый парадокс. (М.А. Кузмин и „Жизнь Искусства“) // Жизнь искусства. 1920. № 569. 29 сентября. С. 1. [Pushchin Ya. <Strelnikov N.>. A necessary paradox. (M.A. Kuzmin and the “Zhizn’ Iskusstva”). *Zhizn’ Iskusstva*. 1920. No. 569. September 29. P. 1. (In Russ.)]

Тименчик, 1994 – Тименчик Р. О фактическом субстрате мемуаров Г.В. Иванова // De visu (Москва). 1994. № 1/2. С. 67. [Timenchik R. On the factual substrate of G.V. Ivanov’s memoirs. *De visu* (Moscow). 1994. № 1/2. Pp. 67. (In Russ.)]

Тименчик, 2017 – Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М., 2017. [Timenchik R. Podzemnye klassiki: Innokentiy Annenskiy. Nikolay Gumilev [Underground classics: Innokentiy Annenskiy. Nikolai Gumilev]. Moscow, 2017.]

Тихонов, 1980 – Тихонов Н. Устная книга // Вопросы литературы. 1980. № 6. С. 104–153. [Tikhonov N. The oral book. *Voprosy literatury*. 1980. № 6. Pp. 104–153. (In Russ.)]

Третьяков, 1921а – Третьяков В. Утрата невознаградимая // Сегодня (Рига). 1921. № 182. 13 августа. С. 3. [Tret’yakov V. Irreplaceable loss. *Segodnya* (Riga). 1921. No. 182. August 13. P. 3. (In Russ.)]

Третьяков, 1921б – Третьяков В. Анна Ахматова // Сегодня (Рига). 1921. № 261. 15 ноября. С. 2. [Tret’yakov V. Anna Akhmatova. *Segodnya* (Riga). 1921. No. 261. November 15. P. 2. (In Russ.)]

Третьяков, 1926 – Третьяков В. Литературный Петербург. (Недавнее) // Сегодня (Рига). 1926. № 254. 10 ноября. С. 2. [Tret’yakov V. Literary Petersburg. (Recent events). *Segodnya* (Riga). 1926. No. 254. November 10. P. 2. (In Russ.)]

Третьяков, 1927 – Третьяков В. Памяти А. Блока. (К годовщине смерти) // Сегодня (Рига). 1927. № 174а. 8 августа. С. 2. [Tret’yakov V. In memory of A. Blok. (On the anniversary of his death). *Segodnya* (Riga). 1927. No. 174a. August 8. P. 2. (In Russ.)]

Устинов, Сажин, 1991 – Устинов А., Сажин В. Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 93–112. [Ustinov A., Sazhin V. The burn. On the history of the unreleased “Literaturnaya gazeta” of 1921. *Literaturnoe obozrenie*. 1991. No. 2. Pp. 93–112. (In Russ.)]

Ходасевич, 1997 – Ходасевич В. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997. [Khodasevich V. Sobranie sochineniy v 4 t. [Collected Works in 4 vols.]. Vol. 4: Necropolis. Memoirs. Letters. Moscow, 1997.]

Чудовский, 1920 – Чудовский В. «Литературный Альманах» – Анна Радлова // Жизнь искусства. 1920. № 596–597. 30–31 октября. С. 1. [Chudovskiy V. A “Literary Almanac” – Anna Radlova. *Zhizn’ Iskusstva*. 1920. No. 596–597. October 30–31. P. 1. (In Russ.)]

Чуковский, 2013 – Чуковский К. Собрание сочинений в 15 т. Т. 11: Дневник (1901–1921); Т. 14: Письма (1903–1925). М., 2013. [Chukovsky K. Sobranie sochineniy v 15 t. [Collected works in 15 vols.]. Vol. 11: Diary (1901–1921); T. 14: Letters (1903–1925). Moscow, 2013.]

Чукоккала, 1999 – Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. Первое полное издание / Сост., подгот. текста и примеч. Е. Чуковской. М., 1999. [Chukokkala. Rukopisnyu almanakh Korneya Chukovskogo. Pervoe polnoe izdanie [Chukokkala. Korney Chukovsky's handwritten almanac. First complete edition]. E. Chukovskaya (ed., commentary). Moscow, 1999.]

Шкловский, 1922 – Шкловский Владимир Б. <Рец.:> Н. Гумилёв. Костер // Книга и революция. 1922. № 7 (19). С. 57. [Shklovsky Vladimir. Review of N. Gumilev. “Kostior”. *Kniga i revolyutsiya*. 1922. 1922. No. 7 (19). P. 57. (In Russ.)]

Эйхенбаум, 1920 – Эйхенбаум Б. О прозе М. Кузмина // Жизнь искусства. 1920. № 569. 29 сентября. С. 1. [Eikhenbaum B. About the prose of M. Kuzmin. *Zhizn' Iskusstva*. 1920. No. 569. September 29. P. 1. (In Russ.)]

Ronen, 1983 – Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983.

Статья поступила в редакцию 06.05.2020

The article was received on 06.05.2020

Об авторе / About the author

Устинов Андрей Борисович – доктор филологических наук; PhD (сравнительное литературоведение); главный редактор книгоиздательства «Аквилон», г. Сан-Франциско, США

Andrei B. Ustinov – Dr. Phil. Hab.; PhD (Philology); Director of “Aquilon Books”, San Francisco, USA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8468-4854>

E-mail: abooks@gmail.com